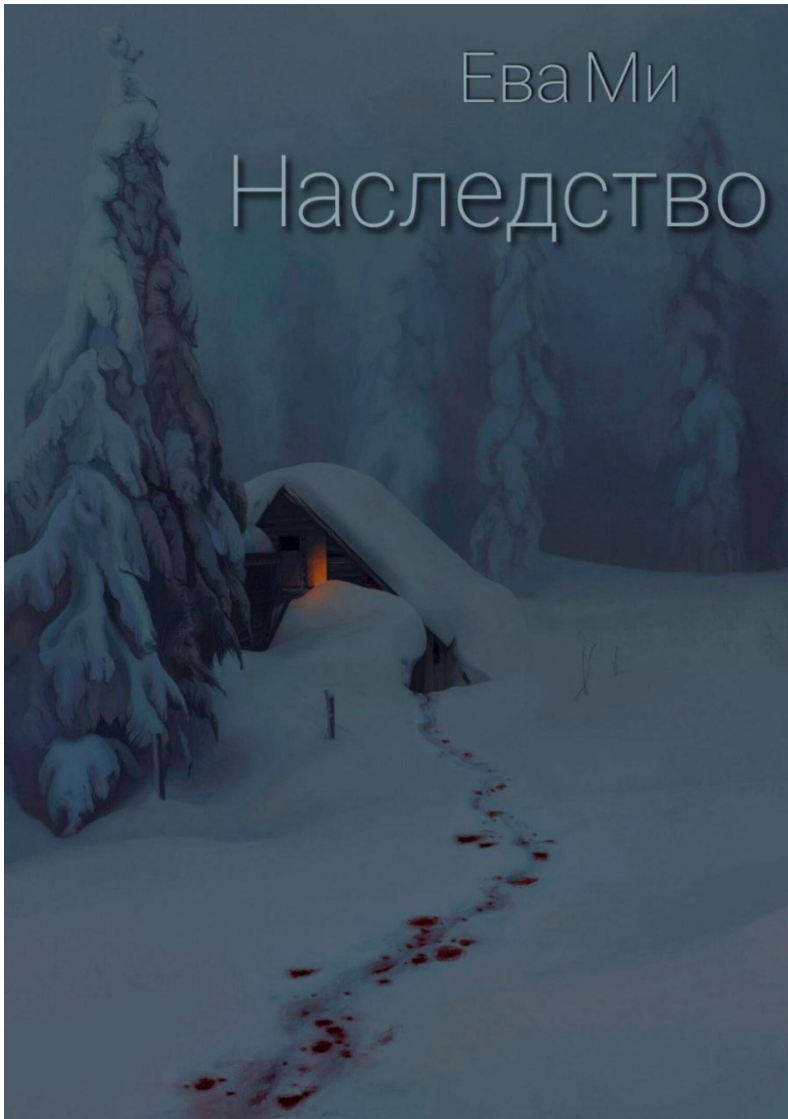

Ева Ми

Наследство

Ева Ми

Наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68367911

SelfPub; 2022

Аннотация

Больше всего на свете Никита ценит уединенность и комфорт собственной квартиры. Получив известие о том, что дед, о котором парень ничего не слышал уже много лет, оставил ему в наследство дом в сибирской глуши, Никита скрепя сердце едет знакомиться со своей новой собственностью. Но поездка оборачивается для него тяжким испытанием. Теперь его реальность – выживание в плену заснеженной тайги и поиски ответа на вопрос: "Какова цена человечности?".

Содержание

Глава 1. Наследник	5
Глава 2. Тура	9
Глава 4. Александра	19
Глава 5. Дом	25
Глава 7. Голод	38
Глава 8. Ответы	45
Глава 9. Ночь	52
Глава 10. Охота	55
Глава 11. Укрытие	62
Глава 12. История	69
Глава 13. Путь	73
Глава 14. Знакомство	79
Глава 16. Осознание	92
Глава 17. Казнь	97
Глава 18. Новенький	104
Глава 19. Шаманка	110
Глава 20. Признание	118
Глава 21. Угроза	125
Глава 22. Ультиматум	133
Глава 23. Решение	138
Глава 24. Духи	144
Глава 25. Ритуал	152
Глава 26. Жертва	155

Глава 27. Жизнь	161
Глава 28. Возвращение	166
Глава 29. Путь	171

Ева Ми

Наследство

Глава 1. Наследник

Имперский марш разорвал тишину комнаты. Никита, не открывая глаз, пошарил рукой по полу возле кровати в поисках телефона, и, чтобы ответить на звонок, один глаз все же неохотно открыл.

– Алло, – произнес он непослушным ото сна языком.

– Никита Алексеевич? – вальяжный голос на том конце провода выдавал в звонившем какое-то должностное лицо.

Если утро начинается в полдень, вместо привычного обеда, да еще и с какого-то официального звонка, то ничего хорошего ждать не следует.

– Да, это я, – Никита постарался придать голосу немного бодрости.

– Я звоню по вопросу вашего наследства.

«Какое еще наследство?» – подумал про себя Никита, но дал собеседнику самому все рассказать.

Оказалось, что дед Никиты, Фёдор Игнатьевич Самойлов, недавно умер и оставил единственному своему наследнику, внуку, дом в деревне Гором Красноярского края.

Деда юноша видел только в далеком детстве, так что пом-

нил его больше по фотографиям и по рассказам отца. Вроде, тот был археологом, ездил по северам, искал какие-то древности. Объявлялся он трижды в год и всегда по телефону – на Новый год, День Победы и в день рождения Никитино отца. А после скоропостижной смерти родителей, случившейся несколько лет назад, совсем пропал. Но Никита не особенно расстраивался и переживал. При всем желании трудно печься о человеке, которого видел всего пару раз в жизни.

Получив от нотариуса инструкции, когда и куда подъехать для подписания бумаг, парень нехотя вылез из постели. Такой ранний подъем ему не понравился. Обычно он просыпался к обеду, затем еще часа два приходил в себя в душе, потом сидел за столом в обнимку с кружкой кофе и только к вечеру становился достаточно работоспособным. Хорошо, что он работал на фрилансе. Вот в чем преимущество быть айтишником: работаешь в комфортном для тебя ритме и времени, отчитываешься раз в неделю, в офис кататься не надо. Идеально для его характера.

Вытерев запотевшее зеркало в ванной, Никита критически оглядел себя. Вроде бы он снова немного похудел, а при его высоком росте каждый килограмм и так был на счету. Зато, в отличие от большинства айтишников, которые ведут малоподвижный образ жизни, избыточный вес ему никогда грозить не будет. Конституция. Мать бы сейчас взглянула на него и запрочитала: «Ах ты ж, одни кожа да кости! Весь в

отца!» – и пошла бы готовить какие-нибудь чебуреки или борщ пожирнее. Легкая небритость ему, пожалуй, даже шла. Копна волос пшеничного цвета лежала небрежно, но от того смотрелась даже более симпатично. Он прищурил серые глаза, поиграл бровями, желваками на высоких скулах. Наверное, по общепринятым меркам, Никиту можно было бы назвать красивым, но ему не было никакого дела до того, как его воспринимают другие. Когда парень учился в институте, к нему часто липли девчонки, но они его не особенно интересовали. Нет, он не был геем, просто в общении с женщинами надо напрягаться, что-то придумывать, ухаживать за ними, а что взамен? Ничего такого, чего не мог сделать сам Никита, взяв дело, так сказать, в свои руки. Он вообще не любил контактировать с миром: магазинам предпочитал доставку, дружеским посиделкам – мультиплеер в какой-нибудь игре. В сети юноше было достаточно комфортно, он не хотел менять этот цифровой уют на сомнительные преимущества жизни вне собственной квартиры.

До нотариуса можно было бы добраться на метро, каких-то сорок минут, и он на месте. Но в подземке ему пришлось бы ехать вместе с другими людьми. От одной этой мысли Никиту передёрнуло. Он был клиническим интровертом, с явными признаками социофобии, и находиться среди людей ему было физически тяжело. Никита предпочитал переплачивать за такси и стоять в пробках, но только не ездить в вагоне, полном людей.

К счастью, у нотариуса все прошло быстро. Только вот клерк никак не мог толком объяснить, где находится этот Гором.

– В трехстах километрах от Туры, – в который раз сказал он.

– В каком направлении хотя бы? – пытал его Никита.

Нотариус лишь неопределенно поводит рукой. «Откуда я знаю», – означал этот жест.

Пока готовились документы, Никита поискал информацию сам. Оказалось, что название деревни Гором происходило от эвенкийского «горотмор», что означало «далекий». Название говорило само за себя, добираться туда нужно было два дня на перекладных. От такой перспективы настроение у Никиты совсем испортилось. Еще и придется отпрашиваться у начальника, чтобы тот дал хотя бы десять дней отпуска. Этого хватит, чтобы съездить туда, посмотреть дом, сделать фотографии для объявления о продаже и вернуться обратно.

Отпуск начальник Никите дал неохотно, как от сердца оторвал.

– И чтобы постоянно был на телефоне, у нас сроки горят, надо проект заказчику сдавать, – велел шеф.

– А если там связи не будет? – спросил Никита. – Это же, черт знает где.

– С ближайшей сосны звонить будешь, – таков был ответ.

Глава 2. Тура

До Туры Никита добрался относительно легко, не считая того, что ему до вспотевших ладоней было неуютно, в забитом людьми, боинге, летевшем из Москвы в Красноярск. А потом он чуть не выблевал желудок в маленьком кукурузнике, который швыряло в воздухе между Красноярском и Турой. Затем оказалось, что городишко и, ближайšie к нему дороги, завалило снегом, автобусное сообщение временно приостановлено. Гостиница в Туре есть, там можно переночевать, а к утру дороги расчистят, и он доберется, наконец, до этого Горрома, найдет «чертов» дом, сразу выставит его на продажу и вернется в Москву.

Гостиница превзошла все самые скромные Никитины ожидания. Он был морально готов, что будет не как в Шератоне, но и такой аскетичности не ожидал. Из удобств в номере была только пружинная кровать, тумбочка, обшарпанный стул и лампочка, свисавшая на проводе с потолка.

Оставив вещи в номере, Никита спустился на первый этаж, подошел к стойке регистрации.

– Извините, пожалуйста, – с трудом преодолевая свою робость, начал он, – мне в Горром надо, как туда можно попасть?

– Зачем же тебе туда понадобилось, милоч? – не скрывая недовольствия по поводу того, что ее оторвали от сериала, спросила возрастная вахтерша, поблескивая на него стекла-

ми, приспущенных на кончик носа очков.

– Деда навестить, – ответил Никита.

Он не хотел распространяться об истинной причине своей поездки. Слишком долго было бы объяснять, да и принимать соболезнования по поводу утраты родственника, которого он совсем не знал, ему казалось как-то нечестно.

– Туда два автобуса в день ходят, – женщина вернулась к своему сериалу и стакану семечек, – но один уже месяц как в ремонте, так что ходит только второй. Когда Михалыч – водитель, не в запое.

– А во сколько он отходит? – спросил Никита.

– В семь утра.

«Да что б тебя! – выругался он про себя, – это ж вставать надо чуть свет, или совсем не ложиться».

Вслух он поблагодарил вахтершу. Та кивнула, не отрываясь от телевизора.

Было около одиннадцати вечера. Спать еще не хотелось, но и заняться было нечем. Промаявшись без дела час, Никита решил все же лечь спать, чтобы не пропустить завтрашний автобус. Он надеялся, что Михалыч все-таки будет трезв, чтобы исполнить свой служебный долг и отвезти в Гором всех желающих, в том числе и Никиту. Парень завел будильник на телефоне на половину седьмого утра, закутался по самые уши в колючий шерстяной плед и, хотя в Москве было на четыре часа раньше, уснул почти сразу, дорога вымотала его.

Проснулся он от робких солнечных лучей, пробивающихся сквозь изморозь на окне. Никита проспал свой автобус. Ночью отключили электричество, телефон полностью разрядился, и будильник не сработал.

– Ну, пожалуйста, ну мне очень нужно! Что, вообще никак? – Никита навалился на стойку регистрации и умоляющими глазами кота из мультфильма про Шрека смотрел на вахтершу. От перспективы провести в этой дыре еще один день, вся его робость куда-то испарилась.

– Что ж ты ко мне-то пристал, милый? – отвечала она, – не я ж водитель. Мне что же, на себе тебя туда везти?

– Ну может вы знаете, кто из местных туда поедет? – не унимался парень.

– Да откуда же? – женщина закатила глаза, всем своим видом давая понять, что ей глубоко безразлично, что Никите позарез надо попасть в Гором.

Он сокрушенно покачал головой, поняв, что ничего от нее не добьется.

– Простите, – пролепетал Никита, закинул рюкзак за спину и вышел на улицу.

Солнечные лучи так ярко искрились на сугробах свежего снега, что глазам стало больно. Никита зажмурился, он не привык к такому освещению. Ему был более привычен свет от монитора в темной комнате, да и в Москве солнца немного, а снег, когда выпадает, через полчаса превращается в серую массу, не способную отражать солнечный свет.

А еще непривычен был ледяной воздух. При первом вдохе он забрался по трахее и бронхам в самое нутро, заставил парня закашляться. Придя в себя, Никита натянул шарф на нос, старался вдыхать медленно, чтобы воздух прогрелся, пока дойдет до легких. Через пару минут он приспособился дышать по-новому, вдыхал глубоко, не спеша. От избытка кислорода закружилась голова, наступило странное состояние эйфории. Опоздание на единственный автобус уже не так расстраивало Никиту. Он приободрился и пошел в ближайший из двух, на весь поселок, магазин.

«Надо рассуждать логически, – думал он, – поселок маленький, всего два магазина, за водкой все либо сюда, либо туда ходят. С деньгами тут у народа не очень, значит, берут в долг, а для этого надо дружить с продавщицей. Уж она должна знать про своих «друзей», кто в Гором может ездить и за чем. Вот блин, так это мне с ней тоже сейчас любезничать придется?!» Никиту прошиб пот, и похолодело в животе: его организм бунтовал против общения с людьми.

– Добрый день, – еле слышно поздоровался он с продавщицей, тучной женщиной с выбеленными перекисью волосами и жирными голубыми тенями в цвет фартука.

Та сперва глянула на него исподлобья, а потом просияла: – Здравс-с-сьте, – ответила она развязно и навалилась на прилавок, демонстрируя свое декольте. Не каждый день в такой глуши увидишь новые лица, а этот еще и ничего себе такой.

– Мне срочно нужно попасть в деревню Гором, а единственный автобус уже ушел. Может быть, вы знаете, кто из местных может туда сегодня поехать?

– Ну откуда же мне знать, молодой человек, – кокетливо ответила она.

– Ну вы же тут давно работаете, может, знаете, кто в ту сторону по делам ездит.

– Не знаю, – фыркнула она, увидев, что декольте парня не зацепило, – я не справочная. Если покупать ничего не будешь, так и вали отсюда.

Никита вышел на улицу, побрел к автобусной остановке. Людей там не было, машин и автобусов тоже. Никита сам не знал, что он рассчитывал там увидеть. Он смел рукавицей с лавочки снег, устало плюхнулся на нее. Прошло несколько минут, пальцы на руках и ногах начали замерзать. «Еще пять минут подожду, и пойду обратно в гостиницу», – подумал Никита.

В ту же секунду он увидел серую «буханку», подъехавшую к магазину. Из машины вышел мужичок, обошел ее, открыл заднюю дверь, вытащил оттуда пару коробок и понес их в магазин.

«Продукты привезли, что ли», – подумал Никита, и у него тут же промелькнула в голове мысль, от которой он моментально вскочил на ноги и ринулся к «буханке». Подбежав к машине, он заглянул в открытый кузов. Его догадка подтвердилась: внутри лежало еще много коробок, на каждой была

маркировка из одной, двух или трех букв. «Скорее всего, это обозначение населенных пунктов», – решил парень. Из магазина вышел водитель.

– Эй, ты чего там разглядываешь, пацан? – с наездом обратился он к Никите, – стырить что-то хочешь?

– Нет, нет, вы не так поняли, – начал оправдываться парень, будто его и вправду застали на месте преступления. – А вы продукты по деревням развозите?

– Ну да, развожу, – ответил мужик.

– А в Гором не едете, случайно?

– Случайно, нет, – мужик захлопнул дверцу.

Никита сразу скис.

– Специально еду, – вдруг добавил водитель. – Правда в деревню сегодня не заезжаю, но до поворота подкину. А тебе зачем туда?

– По делу, – торопливо отвечал Никита, он семенил следом за водителем.

– Ишь ты, деловой какой, – усмехнулся водитель. – Ладно, запрыгивай в кабину. Сейчас вернусь и поедем.

Никита молча кивнул, открыл дверь кабины. На него пахнуло застарелым табачным дымом и бензином. «Буханка» была старая, на обивке сидений кое-где виднелись проплешины, на приборную доску скотчем была приклеена пластиковая иконка, а на зеркале заднего вида болталась старая выцветшая елочка-ароматизатор. Никита устроился поудобнее, предвкушая, что сможет подремать дорогой. Водитель вер-

нулся и с грохотом захлопнул дверь.

– Ну, поехали, – скомандовал он сам себе, стянул с головы шапку, закурил и тронулся с места.

Глава 3.

Дорога

По дороге, прорезающей тайгу, они выехали за черту поселка на восток. Высоченные ели, кедр, густой подлесок – все было засыпано снегом. Он лежал на ветвях такой высокой шапкой, что казалось, они должны ломаться под его тяжестью, как спички. Вершины деревьев подпирали низкое хмурое небо.

Машина ехала не торопясь, Никита успевал глядеть по сторонам. Иногда он видел, как что-то мелькало среди деревьев в лесу.

– Зверья тут полно, – будто прочитав его мысли, сказал водитель, – на прошлой неделе в Туру стая волков зашла, еле выпроводили.

Никите не хотелось говорить, особенно сейчас, когда его разморило в кабине «буханки». Язык казался неподъемным, отказывался шевелиться, и единственное, что мог выдать из себя Никита было «угу».

Его веки отяжелели, монотонный пейзаж за окном убаюкивал, голова стала падать на грудь. А водитель, зараза, видел, что парень хочет спать, и нарочно продолжал болтать:

– А давеча лисицу у себя в огороде нашел, едва из курятника прогнал. Ох, и наглое зверье пошло. Совсем челове-

ка не боится. Прямо в огороды заходит. Ну наши-то, чего ж добру пропадать, бывает, бьют их. Племянник мой пушной барыжит, к нему и несут, кого настреляли. Тут же как: не ты, так тебя. Работы у нас мало, вот народ и выживает, кто как может.

Никита уже даже не «угукал», сон почти сморил его. А водитель все продолжал трещать, и это еще больше усыпляло. Вдруг водитель толкнул Никиту в плечо.

– А? Что? – очнулся тот.

– Какие дела у тебя в Гороме, говорю? – повторил мужик свой вопрос, который в полусне Никита прослушал.

– Дед после смерти мне там дом оставил, – едва выговорил Никита.

– Это какой дед? Как зовут?

– Федор Самойлов.

– А, это тот, что на отшибе жил? Знаю, знаю. Странный мужичок был. Я его как-то тоже, как и тебя, подвез до деревни. Еще спросил его, чего, мол, ты в такой глуши забыл, брат? А он и рассказал, что в этих местах всяких стоянок древних полно, что он археолог, приехал их изучать. А потом – раз – и помер, там его и похоронили, за деревней.

Уже было снова заснувшего Никиту снова толкнули в плечо.

– Чего?

– Я говорю, ты сам-то откуда?

– Из Москвы, – ответил Никита, и воспоминания о его

квартире, комнате с наглухо задернутыми шторами и светящимся монитором компьютера нахлынули на него волной тоски. Скорее бы разделаться с этим наследством и вернуться домой!

Водитель стал приставать с расспросами о столице, о президенте, о тротуарной плитке, которую, по слухам, перекладывают каждый год. Никита отвечал односложно, всем своим видом показывая, что не хочет поддерживать эту светскую беседу. Вопросы доносились до него словно издалека, он снова начал задремывать.

В тревожном поверхностном сне он видел лисиц, волков, сохатых, медведей, они ходили вокруг странного прозрачного купола, который высился над поляной прямо посреди тайги. Стены купола слегка вибрировали и мерцали, будто это было силовое поле. Никита точно знал, что купол предназначен для охраны того, что находится у него внутри. Он сам сначала стоял среди зверей, силясь разглядеть то, что было внутри, но мерцание и рябь не позволяли. А затем он внезапно очутился внутри этого купола. На него неподъемной тяжестью свалилось осознание, что отсюда ему не выбраться. Он в панике начал стучать кулаками в мерцающие стены, но они не поддавались. Было страшно, Никита чувствовал себя в ловушке, из которой нет выхода. Собрав остатки своих сил, он занес над головой сжатые кулаки, обрушил их на купол. Юноша сильно дернулся и проснулся. Водитель, кажется, и не заметил, что его пассажир спал, пока тот сам рассуждал

О московских пенсиях.

Никита протер глаза, стараясь избавиться от видения рябивших стен.

– Приехали, – наконец сказал водитель, съезжая с трассы.

«Буханка» остановилась на автобусной остановке. Правда, от остановки там остались только полуразвалившаяся лавочка и указатель с названием деревни. Домов видно не было, они прятались за деревьями. От остановки к деревне вели узкая колея, «буханка» по ней проехать не смогла бы. До Никиты дошло, что к деревне ему придется идти пешком через лес. Он с трудом сглотнул комок в горле.

– Вот, смотри, пацан, – водитель начал объяснять, как добраться до унаследованного Никитой дома, – сейчас идешь прямо, там будет магазин, за ним сворачиваешь налево, и до конца улицы. Потом на пригорок взбираешься, оттуда увидишь дом. Он там один на краю леса стоит, не перепутаешь.

– Спасибо, – Никита захлопнул дверь машины и помахал водителю на прощание рукой.

Морозный воздух тут же его взбодрил.

Глава 4. Александра

Солнце уже клонилось к закату, был пятый час вечера. Нерадостная перспектива ночевать в этой глуши расстраивала Никиту, но вариантов у него не оставалось. Надо было разжиться едой и двигаться к унаследованному дому. Он пошел в направлении, которое указал ему водитель. Вдали виднелись огни в окнах домов. До них было несколько километров, мороз крепчал. Зимние ботинки, которые неплохо показали себя в московской зиме, тут совсем негодились, в них постоянно засыпался снег, ноги коченели. Холодало так же стремительно, как темнело. Когда опустилась кромешная тьма, Никита добрался до деревни. Магазин был на самом въезде в нее, и, похоже, был самым крепким домом из всех прочих.

Парень подергал дверь, она была заперта, но свет в окнах горел. Никита встал на цыпочки, хотел заглянуть в окно, но было слишком высоко, да и стекла по краям обмерзли. Тогда он постучал в окно. Никто не появился. Постучал снова, все тоже. Стоять на месте Никита уже не мог, он не чувствовал пальцев на ногах, ему жизненно важно было зайти в тепло и, хотя бы, немного согреться. «Дойти до соседнего дома? – рассуждал он про себя, – может, там впустят. Чуть-чуть согреться. Черт с ним, с ужином. Но сейчас до своего дома мне не дойти. Замерзну на полпути».

Он уже отошел от магазина на несколько метров, как услышал скрип двери за спиной. Он обернулся и увидел на пороге женщину. Она куталась в шаль, на ногах были огромные валенки, доходившие ей почти до колен.

– Чего тебе? – спросила она Никиту.

– Еды хотел купить, – ответил он.

– Ну пойдем, – она мотнула головой, приглашая его зайти, – заодно и расскажешь, кто такой и чего тут делаешь.

Тепло комнаты окутало Никиту как одеялом. Лицо с мороза горело, пальцы плохо слушались, чтобы снять перчатки, пришлось помогать зубами. Прошло некоторое время, прежде чем он с ними справился и, наконец, огляделся.

Большая комната делилась на две части простой занавеской. За ней, наверное, была жилая половина, другая была переделана под магазин. Вдоль стен стояли полки с кое-какими продуктами, вместо прилавка посреди комнаты стоял стол. Выбор еды был невелик: гречка, пшено, макароны, еще какая-то бакалея, несколько банок с консервами и целый стеллаж водки. Зато вкусно пахло хлебом. Видимо, хозяйка сама его пекла и продавала.

– Ну, чего желаешь? – спросила женщина, скидывая с плеч шаль и стягивая валенки.

Она была невысокой, хрупкой, среднего возраста, но волосы ее уже почти полностью поседели. Зато лицо было очень свежим, почти юным, а глаза темно-зеленые, как таежная зелень. «А ей к лицу седина, – промелькнуло в голове

у Никиты, – и сама ничего». Когда она прошла мимо него к столу, стоявшему в центре комнаты, он почувствовал, едва уловимый и очень приятный запах трав. А еще он ощутил тепло, исходящее от нее, будто мимо него прошел не человек, а печка. Сперва он решил, что это просто так тело реагирует после мороза, но нет, жар исходило именно от женщины.

– Мне бы пару банок консервов, лапши пачку и воды простой.

Женщина собрала с полок все необходимое. Никита смотрел на нее и не мог оторвать глаз. И ведь в ней не было ничего такого, она не была Моникой Белуччи. Но его взгляд сам следовал за ней по комнате, от стеллажа к стеллажу.

– А ты кто такой будешь, омологи¹? – спросила она его, укладывая продукты в пакет.

Никита не разобрал последнее слово, но переспросить постеснялся, чтобы женщина не посчитала его тугим на ухо или глупым. Он понял, что это обращение к нему, этого было достаточно.

– Меня Никитой зовут, – ответил он.

– А меня Александрой. А что ты тут, Никита, делаешь? – с насмешкой в голосе спросила она. – К дедушке с бабушкой приехал?

– Ну, почти, – замялся парень. – Дед мне тут в наследство дом оставил. Приехал посмотреть, что там да как, на прода-

¹ (эвен.) Молодой человек, парень

жу выставить.

Женщина застыла, глядя на парня во все глаза.

– Федор Игнатьевич твой дед? – сдавленно спросила она, – то-то я думаю, лицо мне знакомо. Ты – его копия. Жаль твоего деда, хороший был мужик, умный очень. Мы с ним чай гоняли. Шибко он мой чай с травами любил. А в последнее время занемог, не приходил уже, я сама к нему ходила, поесть носила.

Никита не мог понять, что ее так встревожило. Она была совершенно спокойна и дружелюбна, пока не узнала, зачем Никита приехал в Гором. Александра помолчала несколько секунд, погруженная в воспоминания об их с Федором Игнатьевичем чаепитиях.

Вдруг она вся встрепенулась.

– Ты что же, в доме его ночевать сегодня собрался?

– Ну да, гостиницы же тут у вас нет, – ответил он.

– Там же выстыло все, печь уже пару месяцев не топлена.

Ты не успеешь дом к ночи прогреть. Да и идти до него прилично, а уже темно совсем, фонарей-то у нас тут нет. Зато у леса, где дом стоит, зверье, бывает, ходит: и волки, и росомахи даже. Те свирепее медведя-шатуна.

Она мгновение подумала, будто принимала какое-то важное решение. Потом сказал:

– Оставайся-ка ты у меня ночевать. Домишко у меня небольшой, зато теплый. А завтра, как рассветет, пойдешь дом смотреть.

Никита слегка опешил от такого гостеприимства. Одинокая женщина на ночь глядя предлагает незнакомому мужчине остаться у нее в доме. Хотя выбирать ему было не из чего, так что внутренне Никита сразу согласился.

– А я вас не стесню? – робко спросил он.

– Да брось, никого ты не стеснишь. Давай-ка, снимай куртку, да садись поближе к печи, а я сейчас чай заварю, как дед твой любил.

– А вы разве не боитесь впускать в дом чужака ночью? – спросил Никита.

– Ну, во-первых, еще не ночь, только шесть вечера. Во-вторых, я тебя ужепустила. А в-третьих, если пойдешь туда, то замерзнешь насмерть, а я грех на душу брать не хочу.

Александра сидела напротив Никиты, который уплетал гречку с мясом. Он не ел весь день, промерз насквозь, и сейчас, сидя в теплом доме, набивая живот домашней едой, он чувствовал себя прекрасно. Александра терпеливо смотрела на гостя, который был просто не в состоянии оторваться от еды. Наконец, Никита опустошил тарелку, откинулся на спинку стула и выдохнул. Ему было так хорошо, как не было уже давно. Он будто и вправду приехал к бабушке в деревню. По крайней мере, так он себе представлял это, хотя никогда не ездил ни в какие деревни, ни к каким бабушкам.

Александра убрала со стола тарелку и на ее место поставила большую кружку травяного чая. Запах был невероятный. От такой палитры ароматов у Никиты даже закружилась го-

лова. Он потягивал его не торопясь, наслаждаясь горьковатым привкусом. Его непреодолимо клонило в сон. Александра увидела, что гость готов уснуть прямо за столом.

– Давай-ка, омолоди, ложись и отдыхай, – ласково сказала она, встала из-за стола и отодвинула штору, отделявшую магазин от жилой части. За ней оказалась нехитрая обстановка: у окна кровать, комод, шкаф для одежды, маленький стол, похожий на письменный, стул, умывальник.

Никита не сообразил сразу, как же тут спать, если всего одна кровать, но Александра сразу объяснила:

– Я на печи лягу, а ты на кровать мою ложись.

– А вам там удобно будет? – заплетающимся ото сна языком проговорил Никита, хотя он чувствовал себя больше пьяным, чем сонным. Будто вместо чая он выпил кружку водки.

– Удобно, не тревожься, – заверила его Александра.

Никита уселся на кровать, с трудом стянул через голову свитер и повалился на подушку. Последнее, что он помнил, было лицо Александры, которая склонилось над ним, проводя ладонью по его лицу сверху вниз.

Глава 5. Дом

Спал Никита крепко, как никогда, проспал двенадцать часов. Проснувшись утром, чувствовал себя новым человеком. От вчерашней усталости не осталось и следа, ноги не болели, хотя вчера он прошел непривычно много для себя, да еще и по морозу.

«Если тут так хорошо спится, то, может, и не продавать этот дом?» – подумал он про себя. Но потом вспомнил, как сложно было добираться сюда, и тут же отбросил эту идею.

Александры нигде не было видно, в доме стояла тишина. Никита оделся, вышел на улицу. Солнце еще не встало из-за горизонта, но небо уже было предрассветно-розовым. День обещал быть ясным. Где-то вдалеке залаяла собака. Света в соседних домах еще не было. На севере зимой людям не за чем вставать в такую рань, на улице еще темно и жутко холодно, никакой работы не сделаешь. Но, где тогда хозяйка?

Никита осмотрелся, вчера вечером ему это не удалось. Дом был небольшой, одноэтажный, но добротный, обнесенный маленьких забором, больше для разметки территории, нежели для защиты. Позади дома была еще одна постройка, похожая на баню. Из трубы, несмотря на ранний час, уже валил дым, топилась печка. «Наверное, она там», – подумал Никита. Он хотел было пойти туда, но вдруг очень живо представил себе Александру, обнаженную, сидящую впол-

оборота на деревянной полке в парной, ее седые волосы спускаются по спине до самой поясицы, тело блестит от пота, а вокруг клубы пара. От такого видения Никиту бросило в жар. Он зачерпнул снега и растер им лицо. Дыхание перехватило от ледяного прикосновения к коже, но видение пропало, парень пришел в себя.

Он вышел за ворота на улицу и огляделся. По обеим сторонам дороги стояли все сплошь одноэтажные деревянные домики, похожие один на другой, но в то же время совершенно разные. Деревенька была окружена тайгой, словно остров в зеленом хвойном море. К некоторым домам тайга подходила вплотную. Никита вспомнил, как вчера Александра говорила, что здесь из леса к домам часто выходят звери. «И не боятся же люди, – подумал он, – хотя, они, наверное, с тайгой «на ты», выживают, благодаря ей, и зверье для них – не опасность, а, скорее, добыча».

– Доброе утро! – услышал позади себя Никита.

Он обернулся и увидел хозяйку. Она была одета в огромный меховой тулуп, мохнатую меховую шапку и те же огромные валенки. В одной руке она держала ведро с водой, а в другой охапку трав.

Никита произвольно улыбнулся. Александра буквально излучала тепло и свет, не улыбнуться в ее присутствии было невозможно. Обычно он робел перед женщинами, но тут он подошел к ней очень близко и своим низким голосом сказал:

– Доброе утро! Могу помочь?

Он и сам не ожидал, что прозвучит так галантно.

Александра помедлила мгновение, а потом улыбнулась смущенно, как девчонка, и отдала ведро парню. Они вошли в дом.

– Чаю будешь? – спросила она.

– С удовольствием, – ответил Никита.

Он млел в ее присутствии. Сам не понимал, что с ним происходит, но противиться этому не мог. Он с тоской подумал о том, что ему нужно собираться и уходить отсюда. Но впереди его ждала еще чашка волшебного чая и компания хозяйки.

«Ты чего, влюбился что ли? – спрашивал сам у себя Никита, – она же старая. Ну не то, чтобы совсем старая, но взрослая. Ей лет сорок, не меньше. Хотя красивая». Его раздирали внутренние противоречия: он понимал, что она ему нравится, но при этом пытался найти хоть какой-нибудь аргумент, способный убедить себя в обратном.

Александра поставила на стол две чашки, вазочку с вареньем и положила рядом булку свежего хлеба. Такого вкусного завтрака у Никиты еще не было.

– Я теперь понимаю, почему деду так нравился ваш чай, – сказал он допивая.

Александра смотрела на Никиту пристально и молча. Наконец, она заговорила:

– Не ходи в тот дом, нечего тебе там делать.

Парень уставился на нее в недоумении. Щеку оттопыри-

вал здоровый кусок хлеба, который Никита не успел прожевать.

– Почему?

– Да сдалась она тебе, хибара эта, – с наигранным презрением сказала женщина. – Кому ты ее нашей глуши продашь? Там ни печи нормальной нет, ни колодца, грош цена такому дому.

– Ну так мне он тоже не нужен, я сюда приезжать не собираюсь.

– Не ходи, а? – с мольбой в глазах сказала Александра.

Никита не знал, как реагировать: прислушаться к словам, небезразличной ему женщины, и бросить эту затею с домом? С другой стороны, он проделал такой длинный и непростой путь просто так, чтобы на финишной прямой взять и развернуться? Нет уж, он хотя бы на него посмотрит, а там уж решит, что с ним делать.

– Простите, но я все-таки туда схожу. Не впусую же я сюда из Москвы ехал, в самом деле...

Александра поджала губы и покачала головой.

– Если тебе что понадобится, помощь какая, ты сразу зови меня. Мы с твоим дедом всегда друг другу помогали, а теперь ты за него будешь. Так что давай, без стеснений всяких, чуть что – сразу приходи.

Путь от Александры до дедовского дома был не то, чтобы очень длинным, но идти приходилось через сугробы, это затрудняло дело. Погода была ясная, солнце и снег слепили,

мороз щипал нос и щеки. Никита чувствовал себя полярником. Но через час он все-таки добрался.

Дом был маленький, больше похожий на хижину, но было видно, что он новее, чем остальные дома в деревне. Забора вокруг него не было, с одной стороны дома располагалось отхожее место. Домишко был такой низенький, что Никита даже засомневался, сможет ли он встать там в полный рост. Снега намело до середины окон, дверь тоже была завалена, вокруг сугробы выше колена. С трудом Никите удалось разгрести снег и войти внутрь. Оказалось, что выпрямиться все-таки можно. Убранство было аскетичным, но все необходимое наличествовало: в одном углу стояла панцирная кровать со свернутым матрасом, в другом – примитивная маленькая печь. На ней стоял чайник, рядом лежали, сваленные в кучу дрова, на полу – коробок спичек. Еще были, вручную сколоченные стол и табуретка, а на полу лежал домотканый ковер. Вот и вся нехитрая обстановка. Электричества в доме не было. «Все, остался без связи, – подумал про себя Никита, – зарядиться не получится. Если только сходить к Александре...».

Дом долго стоял нетопленный, внутри было немногим теплее, чем снаружи, разве что ветер не дул. Никита решил первым делом растопить печку. Он никогда этого раньше не делал и немного нервничал. Не хотелось бы спать весь дом, а то вдруг его все-таки получится продать. Он положил в печь несколько поленьев, добавил щепки, достал из рюк-

зака посадочный талон с самолета и поджег. Дровишки сразу занялись пламенем, через несколько минут дом стал прогреваться, и в комнате стало чуть-чуть теплее. Из занесенных снегом окон, солнца внутрь попадало немного, а держать печку открытой было нельзя, какой-нибудь шальной уголек мог упасть на пол, и тогда пожара было бы не миновать.

Никита хотел было зажечь лучину, которую нашел возле кучи дров, но огляделся и увидел под кроватью ящик. Он достал его и очень обрадовался содержимому: в ящике лежали несколько толстых свечей, упаковки со спичками, пара рулонов туалетной бумаги, походный набор посуды. Никита зажег сразу две свечи, расставив их в разных углах комнаты, и сразу стало как-то веселее.

В сенях он нашел пару здоровенных дедовских валенок, и этой находке обрадовался еще больше. По пути к дому ноги совсем окоченели и промокли от снега, а ботинки стали совсем непригодны. Хоть валенки и были ледяными и задушевными, но их можно было согреть возле печки. Уже через несколько минут Никита с нескрываемым блаженством опустил в них ноги и почувствовал, как отогреваются озябшие стопы, и от них по всему телу разливается тепло. Обувь доходила ему почти до колен, что при таком высоком снеге было очень кстати.

Но хорошее настроение быстро улетучилось: спать здесь будет неудобно. Печь совсем никудышная, будет остывать сразу, как только прогорят дрова, надо постоянно просы-

паться среди ночи и подкидывать. А дров в доме было совсем немного. Придется поторопиться, чтобы успеть запасти ими до темноты. Топор и маленькая пила тоже нашлись, стояли за печкой.

Лес подступал очень близко к дому, ветви деревьев упирались прямо в заднюю стену. Никита нашел самое хиленькое деревце, размахнулся и ударил топором. Ничего не произошло, дерево стояло, как и раньше. Никита с тоской подумал о компьютерных играх, где такое деревце можно было бы свалить одним ударом, и оно бы сразу же развалилось на дрова. Но бой был недолгим: минут через пятнадцать деревце все-таки превратилось в горку дров. А потом еще несколько горок появились рядом.

Никита утирал рукавом мокрое от пота лицо, но был собой доволен. За последние два года это была его первая более или менее серьезная физическая нагрузка. В свои двадцать с небольшим он иногда чувствовал себя развалиной: то тут судорога, то там защемление. Однажды, он, движимый порывом альтруизма и зовом гормонов, помог своей симпатичной молодой соседке поднять на третий этаж тяжелую коробку с ее вещами. Он-то надеялся на ее благодарность, и даже положил тогда в карман джинсов презерватив, только, оторвав коробку от земли, он почувствовал, как прострелило поясницу, и до момента, когда коробка оказалась у хозяйки в коридоре, ни о чем, кроме своей спины, думать не мог. В общем, с рыцарством он завязал, и никаких активностей в

его жизни с тех пор не было.

Нарубив достаточно, на его взгляд, дров и перетаскав их к печке, чтобы просыхали, Никита задумался о еде. Колка дров оказалась занятием энергозатратным, пора было подкрепиться. Съев свой скромный обед, состоявший из банки сайры и лапши быстрого приготовления, парень страшно захотел чаю. Именно того, который готовила Александра. Он какое-то время боролся с внутренним желанием сходить к ней, и даже уже собрался выходить из дома, но потом передумал. Она ему по-настоящему нравилась, но он не хотел показаться ей навязчивым и раздражать её. Тем более, что она фактически спасла его вчера вечером. А то так бы и остался на улице в жуткий мороз в этой богом забытой деревне, в самой чаще сибирской тайги.

Глава 6. Тварь

Окончательно стемнело. Двух свечей едва хватало, чтобы осветить комнату. Печь топилась, за окном свистел ветер, но, кроме этого, не было никаких звуков. Такой тишины Никита не слышал никогда в жизни. В городах всегда есть какой-то фоновый шум: машины, автобусы, людские голоса, музыка. А тут – ничего. Даже птицы не поют. Хотя, не удивительно, в такую стужу они не показываются из своих укрытий. Никита расстелил матрас, лег на него, заложив руки за голову. Было всего семь вечера, а его уже клонило в сон. Длительная прогулка через сугробы, дневная работа топором, да и переход во времени его вымотали. Тишина и треск дров в печке

убаюкивали. Поспать он всегда был мастак, в студенчестве, бывало, мог и по полдня проваляться, так что он решил не воевать со сном, а отдаться ему.

Он лег на бок, укрылся курткой, подложил под голову рюкзак и закрыл глаза. Он думал, что провалится в сон мгновенно, но этого не случилось. В голове проносились события прошедших дней: убогая гостиница в Туре, заснеженная дорога через тайгу, лицо Александры, этот дом. «Эта хибара в сибирской глуши – последнее место, где я мог оказаться, – думал Никита. – И что же мне делать с этим домом? Он ведь даже не настоящий дом, просто хижина для охотников. А кто поедет в такую даль на охоту? У местных тут свои дома, а остальные про эту деревню даже не знают. Пусть стоит себе пока? Вдруг, выйду на пенсию и сам буду сюда приезжать. Тут так тихо, свежий воздух, даже дышится свободно, и тело будто становится легче».

Пока у Никиты в голове пролетали эти мысли, дрова в печи прогорели. Ему сначала было ужасно лень встать, казалось, что под курткой он и так не замерзнет. Но чем дольше он тянул, тем сильнее выстывала комната. За окнами носился сильный ветер, казалось, что он сквозь невидимые щели в стенах и потолке высасывает тепло. Никита стал дрожать от холода. Когда это стало невыносимым, он наконец усилием воли заставил себя открыть глаза.

Нехотя он свесил ноги с кровати, закутался в куртку и пошел к печи. Не глядя, юноша протянул руку к коробку спи-

чек, который оставил на столе. Но его пальцев коснулся не твердый картонный коробок, а что-то холодное и скользкое. Никита рефлекторно отдернул руку и посмотрел на стол, но кроме коробка на нем ничего не было. Он взял спички, зажег одну, но ее тусклого пламени не хватало, чтобы хоть сколько-то осветить комнату. «Может, это просто сквозняк», – подумал Никита. Но на пальцах еще оставалось ощущение чего-то скользкого и податливого, похожего на желе или на холодец. Никита вспомнил мамин новогодний холодец. Он никогда не ел эту гадость и не понимал, почему каждый год мама тратит по несколько часов на его приготовление.

Но холодцу тут взяться было неоткуда. И никакого более или менее разумного объяснения произошедшему Никита придумать не мог. Он попытался затолкать в печь как можно больше дров, чтобы не вставать к ней слишком скоро, и затопил. Вернувшись к кровати, парень пару мгновений медлил и не ложился. Его не покидало противное и тревожное чувство, что в доме кроме него кто-то есть. В итоге его разум выдал единственное логичное заключение, на которое был способен: «Ты просто устал, парень. Незнакомая обстановка, холод, усталость – вот тебе и мерещится всякое». Аргументов против Никита подобрать не смог и наконец лег на кровать. Он натянул капюшон куртки так, что тот почти закрыл его лицо, крепко закрыл глаза и начал считать до ста, чтобы уснуть.

Сто. Двести. Триста. Сон не шел. Никита решил устроить-

ся поудобнее, отвернулся лицом к стене, но тут же подско-чил от грохота, упавшей со стола на пол, миски. Сердце у парня бешено заколотилось. Он сидел, уставившись на миску, и пытался понять, от чего это могло произойти. Никакого сквозняка в доме не было. Когда он поднимался затопить печь, не мог ее задеть. Стол хоть и небольшой, но все-таки спички и миска были в разных его концах и далеко друг от друга. Подумав о спичках, Никита тут же вспомнил противное ощущение чего-то склизкого и холодного на пальцах, и его сердце, еще не успокоившееся, забилось быстрее.

Теперь он ясно чувствовал присутствие в доме чего-то постороннего и враждебного. Он, как мог, напряг зрение, пытаясь рассмотреть в темноте признаки чьего-то присутствия или движения. Ему показалось, что в дальнем углу кто-то прошмыгнул. От страха сердце билось так, что шумело в ушах, руки дрожали. Никита чуть не рассыпал спички, пытаясь достать их и зажечь свечу. Наконец, тьма комнаты немного рассеялась, и Никита стал озираться. С зажженной свечой в руке он прошел по всем углам, заглянул под стол, под кровать, за печку, и не обнаружил ничего. Это уже не походило на галлюцинации от переутомления, парень был абсолютно уверен, что в доме он не один.

Замерев посреди комнаты, он ощущал, как адреналин толчками впрыскивается в кровь, как рвется из груди сердце, как непроизвольно напрягаются мышцы ног, готовых в любое мгновение сорваться с места и убежать от опасности.

Он весь обратился в слух, но треск дров в печи казался таким громким, что заглушал все остальное.

Вдруг за спиной послышался звук, напоминающий шлепок или чавканье, будто упал комок жидкой грязи. Затылком Никита ощутил холод и сырость. Он боялся пошевелиться, даже затаил дыхание. Простояв так, видимо, несколько секунд, которые показались парню часами, он медленно повернулся и увидел перед собой только кровать. Больше там не было ничего и никого.

Он почувствовал едва уловимое облегчение, и этого оказалось достаточно, чтобы изможденные организм и разум, вынесшие за последние двое суток больше испытаний, чем за несколько последних лет, посчитали, что опасность миновала, и дали друг другу команду расслабиться. На парня обрушилась чудовищная усталость. Пара шагов до кровати показались ему невыносимо трудными. Он рухнул на матрас уверенный, что заснет моментально, но вдруг почувствовал, как на лицо ему капает что-то холодное. Он распахнул глаза и оцепенел.

На него в обрамлении бледного зеленого свечения тарасилась пара красных глазищ, а под ними скалилась зубастая пасть. Небольшой прозрачный желеобразный сгусток сидел на изголовье кровати, нависая прямо над парнем. Никита открыл было рот, чтобы закричать, но тварь тут же запрыгнула в рот и начала спускаться по пищеводу вниз. Казалось, что мерзкий холодный сгусток заполнял собой все нутро,

во рту остался отвратительный гнилостный привкус. Никита пытался вызвать рвоту, надавив пальцами на корень языка, но это не помогло.

Сгусток добрался до желудка, и парень почувствовал, как внутри разливается неприятный холод. Его начало тошнить, желудок сводило судорогой. Его организм пытался исторгнуть из себя чужеродное существо, но не мог. Затем холод и тошнота сменились волнообразной болью. Каждый приступ был сильнее предыдущего, у Никиты стало темнеть в глазах. Он понимал, что нужно что-то предпринять, но что именно, не имел понятия. Он попытался подняться с кровати, но ноги подкосились, и он упал на пол.

В следующее мгновение Никита потерял сознание.

Глава 7. Голод

Утро выдалось не из приятных. Никита проснулся от зверского голода и холода. Дом совсем выстыл, изо рта шел пар. «Надо срочно затопить печь, а то «дуба» дам», – подумал он. И вдруг обнаружил себя лежащим не на кровати, а на полу. «Это же надо так ворочаться во сне, – удивился Никита. – Хотя никогда такого не было, всегда спал как убитый».

Никаких воспоминаний о зеленой твари, проникшей внутрь него, у парня не было.

Он с трудом поднялся с пола. Мышцы, непривыкшие к физическим нагрузкам, страдали от вчерашних взмахов топором. От мысли, что придется наколоть еще дров, Никита совсем скис. Но выхода не было, пришлось снова вооружаться инструментами.

Выйдя на улицу, Никита почувствовал такую слабость, что ему пришлось выпустить из рук топор и ухватиться за стену, чтобы не упасть. Его била крупная дрожь, было жутко холодно. Он вдруг понял, что если прямо сейчас не зайдет внутрь, где хоть чуть-чуть теплее, то умрет прямо на пороге дома.

У печки оставалась еще несколько дровишек, хватит на полчаса, может час. Потом, хочешь не хочешь, придется идти за новой охапкой. Никита сел напротив разогревающейся печки, прислушался к своим ощущениям. Слабость почти

прошла, озноба больше не было. Он хоть и не отличался богатырским здоровьем, но и таких резких приступов слабости никогда не испытывал.

Посидев еще несколько минут, он решился снова пойти за дровами. Но как только вышел за дверь, слабость снова навалилась на него. Он остановился, стараясь перевести дух и понять причину такой резкой перемены самочувствия. Легче от морозного воздуха не становилось, наоборот, с каждым вдохом все холоднее и тяжелее. Но пришлось собраться с силами, дойти до деревьев и набрать хотя бы хвороста, махать топором он был не в состоянии. С охапкой палок и веток в руках Никита вернулся в дом. Сразу отпустило, будто он только что не прилагал все свои силы на то, чтобы сделать еще один шаг. «Теперь можно полдня не выходить, – с облегчением подумал он. – Что происходит? Я заболел? Простыл за ночь, лежа на полу? Но почему в доме становится лучше, а на улице сдохнуть хочется? И таблеток с собой никаких нет. Топлива хватит на несколько часов, а потом снова придется выходить. Только не это. Уж лучше тут, в остывшем доме, кони двинуть, чем наружу высунуть».

Прошло около часа. Страшно хотелось есть и в туалет. Из еды осталось полбанки вчерашней сайры, этим можно было перебиться. С туалетом было сложнее, для этого придется выходить на улицу. Никита боролся как мог, пока ему не стало казаться, что мочевого пузыря занимает все его нутро. До деревянного сортира было не дойти, придется прямо с

крыльца. Держась за дверной косяк, он боролся с очередным приступом дурноты и слабости. Держаться на ногах ему помогала только мысль о том, что, если он сейчас тут умрет, но труп получится очень неприличный.

Парень кое-как вернулся в дом, и ему сразу полегчало. Обессиленный, он растянулся на кровати, но вдруг в дверь постучали. Никита помедлил, размышляя, кто мог прийти к нему сюда на высылки, но стук повторился снова, уже более настойчиво. Он открыл дверь и увидел на пороге Александру. Она стояла, закутанная в пушистую шаль, румяная и улыбающаяся. В руках был пакет с продуктами и старый, но теплый тулуп. Как только Александра увидела его, ее глаза расширились от ужаса. Она сделала шаг назад. Никита не понял, что ее так испугало, оглянулся назад, вдруг там что-то жуткое у него за спиной. Но там ничего не было, жутким был сам Никита. Вместо здорового молодого человека, которого Александра в прошлый раз видела, на нее смотрел скелет, обтянутый кожей. На бледном, как бумага, лице контрастно выделялись тени вокруг запавших глаз, щек не было, остались одни скулы. Казалось, будто Никиту буквально высушили, в нем не оставалось ни капли крови. Александра прикрыла рукой рот, что-то прошептала.

– Доброе утро! – поздоровался Никита, – что с вами? Чего вы испугались?

– Добралось-таки оно до тебя, – чуть помедлив, ответила Александра. – Бедный мальчик, ты этого не заслужил.

– Что добралось? О чем вы?

– Ты можешь выйти на улицу?

Никита замялся. Ему смертельно не хотелось выходить, и «смертельно» в данном случае было отнюдь не фигурой речи.

– Может, лучше вы ко мне? – он посторонился и сделал приглашающий жест рукой.

Александра отчаянно замотала головой.

Никита совсем растерялся. Что с ней происходит?

– Да нормальный дом, тепло внутри, заходите, – продолжал Никита настойчивее.

Сначала он не понял, какое ощущение им завладело, когда он увидел Александру, а сейчас до него дошло: это был дикий голод, животный. Во что бы то ни стало ему нужно затащить ее в дом. Она – все, что ему нужно, без нее он погибнет. Ему необходимо... съесть ее.

– Нет, – помотала головой женщина и поставила на землю пакет, а сверху положила тулуп. – Я принесла тебе продуктов и теплую одежду. Тебя два дня не было, решила зайти проведать тебя, вдруг заболел.

– Как два дня? Я же только вчера утром от вас ушел, – Никита искренне не понимал, что за бред она несет.

Александра наклонила голову. В ней боролись жалость к юноше и страх за свою жизнь. Она знала, что произошло с Никитой, какие у этого могут быть последствия, и что не может допустить этого.

– Поешь, я приду попозже, – сказала она и заторопилась прочь.

– Подождите, – крикнул Никита, – зайдите хоть погреться, холод же собачий.

От него ускользала его еда, которая сама пришла к нему. Досада и голод с двойной силой обрушились на него, он стукнул кулаком в дверь, на костяшках проступила кровь. Он сел прямо на пол и попытался осознать, что с ним происходит. Он плохо чувствует себя, выходя из теплого дома, при чем настолько плохо, что кажется, будто сейчас умрет. Он дико голоден, но мысли о тушенке, макаронах и хлебе ему неприятны, а вот вид живого человека вызывает зверский аппетит. Он совершенно спокойно и не без наслаждения представляет, как отделит ее ногу от тела, возьмет двумя руками и с упоением вонзит зубы в бедро, как упругое мясо поддастся, потечет кровь, густая и горячая. Он представлял себе это так явно, в таких подробностях, что почувствовал, как сжался его желудок. И тут он вспомнил о пакете, принесенном Александрой.

В пакете были кое-какие продукты и тряпица, в которую было что-то завернуто. Никита развернул узел и нашел там пучок трав. «Это чай, – догадался он, – сейчас заварю его, может, полегчает». Он наклонился, чтобы понюхать сбор, но запах показался ему мерзким, пахло чем-то кисло-гнилым. Никита поспешно завернул травы и бросил их в пакет. «Чего она тут принесла, – разозлился парень. – Отравить меня

вздумала?».

Голод становился все сильнее, стало темнеть в глазах. «Придется перебиваться сайрой», – решил Никита. Вкус консервов был ему отвратителен, он заставлял себя есть через силу, кое-как глотая куски рыбы. В его сознании родилась тревога. «Что со мной происходит? – спрашивал он себя, – я что-то подцепил, какую-то заразу в этой тайге? Но в такой холод тут никакие бациллы не выживают. Почему извратились вкусы? От тушенки воротит, а от мысли о сыром мясе слюни текут. И этот гнев на пустом месте. Я ведь никогда не страдал перепадами настроения. А сейчас, как будто беременный, честное слово».

Никита сидел на полу, рядом лежала пустая консервная банка и алюминиевая ложка. Он подтянул колени к груди, уперся в них подбородком. Парень вдруг почувствовал себя таким бессильным, слабым и несчастным. Он впервые столкнулся с ситуацией, потенциально опасной для него и других, и не знал, что ему делать. От осознания бессилия хотелось выть. Никита не мог больше сдерживаться и заплакал. Первый раз в жизни ему было страшно. Он был отрезан от всех, связи не было, да если бы и была, кому бы он позвонил? Родители погибли, с другими родственниками он почти не общается, друзья не бросятся в такую глушь ему на помощь. А Александра, единственный человек, который может ему помочь, и она, кажется, знает, что с ним происходит, подвергает себя опасности, просто говоря с Никитой. Он не хочет

причинить ей вред и не простит себя, если это произойдет. Вдруг юноша вспомнил, что она обещала зайти к нему попозже. От этой мысли ему немного полегчало. Значит, он не один. Было странно возлагать все свои надежды на малознакомого человека, которого он видел дважды в жизни, но ничего другого ему не оставалось.

Никита лег ничком на пол и лежал неподвижно, уставившись в одну точку.

Глава 8. Ответы

В дверь тихонько постучали. Не дождавшись ответа, вошла Александра. Она увидела Никиту, лежащего спиной к ней, в позе эмбриона. Печь давно прогорела, в доме было холодно и темно. Зайдя со света в темноту, она не сразу заметила консервную банку у себя под ногой и пнула ее. От неожиданного звука Никита вскочил и по-звериному забился в противоположный угол. Александра помедлила немного, приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки и присела перед ним на корточки. Парень смотрел на нее затравленно и с мольбой.

– Точно зверь в капкане, – сказала Александра печально. – Не бойся, я не наврежу тебе.

– Это я могу вам навредить, – процедил Никита.

Александра опустила голову, помолчала немного и, не поднимая взгляда, сказала:

– Я надеялась, тебя это минует. Но тебе придется повторить судьбу твоего деда.

Никита дышал быстро и прерывисто. Он изо всех сил старался сконцентрироваться на дыхании, чтобы заглушить поднимающуюся в нем ярость и голод. Он чувствовал, что может сорваться в любой момент и наброситься на женщину. Наконец, он сказал:

– Я не знаю, что со мной происходит, но я могу на вас

напасть. Уходите, пожалуйста, – произнеся последние слова, он поднял на Александру глаза. В них ясно читалось: «Не уходи! Прошу тебя! Помоги!».

Она посмотрела на него изучающе, горько вздохнула и достала из торбы, что висела у нее через плечо, освежеванную тушку зайца. У Никиты расширились зрачки. Он дернулся было к тушке, но силой воли заставил себя вжаться в угол.

– Я не буду, – пробормотал он, даваясь слюной.

– Съешь, полегчает, – вкрадчиво и ласково сказала Александра.

Никита в нерешительности протянул трясущуюся руку и схватил зайца. Он отвернулся, будто пряча что-то постыдное, и вонзил зубы в плоть. Она хрустнула под натиском его челюстей. Он оторвал кусок мяса, стал пережевывать его медленно, смакуя.

Александра тем временем собрала пустые банки, подняла опрокинутый табурет, взяла топорик, стоявший у двери, и ушла. Вернулась через несколько минут с дровами, затопила печь и села на табурет, наблюдая за Никитой. Он к этому времени уже доел зайца, и стыдливо вытирал рукавом рот. Он выглядел уже более спокойным и расслабленным, в теле и жестах пропала напряженность. Но он по-прежнему сидел в углу.

– Тебе лучше? – спросила Александра.

– Намного, – ответил Никита.

В воздухе повисла пауза. Никто из них не решался начать

этот странный и трудный разговор. Начала Александра:

– Ты болен, Никита. В тебе живет паразит, и он высасывает из тебя жизнь. В буквальном смысле. За два дня ты превратился в скелет.

– Почему за два дня? – прервал ее Никита. – Я ведь был у вас только вчера. Утром вы напоили меня чаем, и я пошел смотреть дом.

Александра отрицательно покачала головой.

– Это было два дня назад. Ты действительно выпил у меня утром чаю и ушел, но уснув тем же вечером, проспал два дня, пока оно тобой питалось. Ты видел себя в зеркало?

– Нет, мне не во что смотреться, – ответил Никита.

Александра взяла со стола миску из нержавеющей стали и протянула Никите. В отражении на него смотрело нечто, не похожее на него прежнего. Просто череп с глазами и тонкой как пергамент кожей. Он в ужасе выронил тарелку из рук и поднял глаза на Александру. В его взгляде было слишком много вопросов.

Александра продолжила как можно спокойнее:

– Пока в доме было холодно, оно сидело где-то в анабиозе, а ты пришел, затопил печь, оно отогрелось и вылезло наружу. Напало на тебя, залезло внутрь и усыпило своим ядом. Или, что там оно использует. Ты спал до тех пор, пока ему было чем питаться, пока в тебе было мясо и жир. Но скоро оно снова проголодается.

Никита был уверен, что это все бред. Он все еще спит себе

в дедовском доме на краю деревни Гором, в печке трещат дрова, ему тепло и спокойно. А такой бредовый сон – просто результат переутомления за два прошедших дня.

Александра смотрела на него в упор, потом встала с табурета, подошла к Никите вплотную и дотронулась до его макушки. Он вдруг ощутил исходящее от ее ладони тепло, будто она была печкой. Такое же тепло он почувствовал, когда впервые пришел к ней в магазин. Он прикрыл глаза, медленно и глубоко вдохнул и выдохнул, а потом посмотрел на женщину. Ему, наконец, стало спокойно: он теперь не один, она его не оставит.

Она взяла его лицо, точнее, то, что осталось от лица, в свои ладони и всмотрелась в него, будто искала там ответы на многочисленные вопросы. Никита как загипнотизированный глядела на нее, ловил каждое ее движение. Ему ужасно хотелось открыть ей душу, рассказать, что он к ней чувствует. Женщина, которую он видел третий раз в жизни уже однажды спасла его, приютив в своем доме, она не испугалась его нынешней сущности и пришла спасти его. Теперь она значила для Никиты больше, чем весь остальной мир.

Александра подошла к окну, куда попадал свет от солнца, и стала рыться в своей торбе.

– Слушай внимательно, это очень важно, – сказала она, – пока мы его из тебя не вытащим, в деревне находиться опасно. Не для тебя, а для остальных. Как только оно из тебя все до последней капли высосет, ему нужно будет искать све-

жую пищу. Значит, тебя надо изолировать. Еще тебе нужно восполнять свои силы, чтобы хватало и ему, и тебе. Ты как, обычную еду можешь есть? Консервы, например?

Никита покачал головой:

– Редкая гадость, едва проглатывается.

– И никакой пищевой ценности для тебя теперь в них нет, – продолжила она. – Ему нужен животный белок, а в консервах мяса-то почти нет. Вот дичью можно наесться, так что тебе придется научиться охотиться. Тайга – она всякая бывает. Иногда щедрая, а иной раз ничего тебе не дает. Так что, запасайся впрок, чтобы не голодовать. Так, что еще? А, точно. Теперь самое неприятное, – она повернулась к Никите, держа в руках пучок трав, – надо будет травки попить.

Никиту передернуло.

– Они же воняют, – но он тут же устыдился своих слов, ведь они могли задеть Александру. – Простите. Но я не смогу их пить, от одного запаха воротит.

– Знаю, у деда твоего так же было, – она с нескрываемой грустью опустила глаза. – Но он был старым, а в тебе силы еще много. Поборемся за тебя.

– Поэтому вы не хотели, чтобы я шел в этот дом? – догадался Никита. – Вы знали, что оно на меня нападет.

Александра, заваривавшая чай, вдруг замерла, плечи ее опустились.

– Да, все так.

– Но вы все равно дали мне пойти сюда.

– А что же я должна была делать? Привязать тебя? Под каким таким предлогом я бы тебе запретила приходить сюда? А, если сказала бы всю правду, ты бы поверил? Да ты бы принял меня за сумасшедшую.

Никита понял, что его упрек совсем несправедлив и замолчал. Александра поднесла ему кружку с чаем, но парень не сдержался и отвернулся, зажав нос пальцами.

– Ну по́лноте, – властным тоном сказала Александра, поднося ему кружку с чаем, – пей как лекарство. Не будешь пить сам, значит буду приходить. и сама тебе в глотку вливать, омологи.

Никита даже опешил немного от того, какой жесткой и непреклонной она стала. Но спорить с ней не стал. «Такая-то не только влить может», – подумал парень. Ему сразу вспомнился фонтан «Самсон» в Петергофе: только Самсоном была Александра, а львом – Никита. Он взял кружку и, стараясь не вдыхать запах, выпил все залпом. На него обрушилась страшная дурнота, он почувствовал, что его сейчас непременно вырвет. Прикрывая рот, он пополз к двери, чтобы не оконфузится прямо перед Александрой. Но она преградила ему путь и еще более жестко, чем до этого, велела:

– Терпи! Не вздумай все это наружу! Держи, держи в себе! Паразит твой сопротивляется, он такие травы не любит.

Никита упал на спину, все еще борясь с рвотными позывами, но через несколько минут ему стало легче. Он лежал, распластавшись, без сил, даже глаза трудно было держать

открытыми. Его одолевала дремота. Александра подошла к нему, провела мягкой ладонью по лицу, и Никита отключился.

Глава 9. Ночь

Через пару часов Никита проснулся и решил выйти подышать воздухом. Вместо своей куртки он надел принесенный Александрой тулуп. Он был ему велик, но оказался действительно теплым. Или это потому, что его принесла именно Александра? Паразит, живущий в нем, очевидно, наелся зайчатиной и ненадолго притих. Никита чувствовал себя почти нормально. Он сперва помялся около двери, опасаясь открыть ее и выйти на улицу, но потом решился. И не пожалел.

Уже стемнело, все небо было усыпано звездами, а над лесом вставала почти полная луна. Звенящую тишину изредка нарушал далекий лай собак в деревне. Снег искрился как-то по-особенному, торжественно. Никита размел крыльцо рукавицей и сел, поджав колени к груди. Он сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Ему было страшно. Хотя теперь он знал причину изменений, происходящих с ним, это не приблизило его к ответу на вопрос: «Как избавиться от паразита внутри него?».

Раньше, когда он сталкивался с чем-то непонятным, под рукой был телефон с безлимитным интернетом и ответами практически на все вопросы вселенной. Теперь здесь, в сибирской глуши, без связи и даже без электричества, Никите предстояло самому найти ответы на такие вопросы, кото-

рые вряд ли кто-то когда-то задавал в интернете. Что это за существо? Как его вытащить из себя? Как уничтожить? Как при этом не подвергнуть опасности других?

«Дед тоже столкнулся с ним, – рассуждал Никита, – возможно, поэтому он и жил здесь на отшибе, чтобы не передать эту заразу другим. Лес тут совсем рядом, можно охотиться, и от деревни на расстоянии, для людей безопасно. А что я знаю об этой твари? Во-первых, она боится холода, если она вне чужого тела, то впадает в анабиоз. Во-вторых, питается животными белками. В-третьих, сама передвигаться она не может, нуждается в другом организме, в котором будет ездить как в машине и искать еду».

Из размышлений Никиту выдернул хруст ветки поблизости. Он поднял глаза на лес и увидел выходящую из-за кустов лису. На пушистой шубе искрился снег. Животное остановилось, когда Никита поднял на нее голову, с любопытством посмотрела на него. Она его не боялась, скорее была удивлена, что в этом заброшенном доме опять живет человек. Она сделала пару шагов навстречу Никите, тот сидел неподвижно, боясь спугнуть. Лиса была такая красивая, такая грациозная. Он никогда не видел диких животных, если не считать дворовых котов, которые жили в подвале их дома в Москве. А тут настоящая лиса, да еще так близко! Никита залюбовался ее движениями. Прошло несколько минут, пока эти двое изучающе глядели друг на друга ночью, посреди глухой сибирской тайги, но вдруг Никита ощутил зверский голод и

ярость. Он готов был наброситься на животное, и перед его внутренним взором уже лежала выпотрошенная туша лисы. Он собрал в кулак все свои остатки человечности и бросил в зверя перчаткой, чтобы спугнуть ее. Та поняла, что связываться с этим человеком не стоит, и убежала обратно в лес.

Никита с досадой кусал кулак. В его голове метались совершенно противоположные мысли. «Ты только что сам спугнул свой ужин». «Но как можно было напасть на живое существо?». «Зайца-то слопал и не поморщился...». «Он была уже мертвый, а эта живая». «Значит, она еще вкуснее». «Но это же дикость!». «А сам-то ты – не дикость?». «Нет, я – человек». «А ты в этом уверен?».

Парню казалось, что внутри его черепной коробки идет настоящая война добра со злом. В отчаянии он запрокинул голову наверх и увидел над собой на звезды. В Москве никогда не видно звезд, слишком много искусственного света. Тут же они представляли собой невероятное зрелище, даже немного сюрреалистичное. Тот, кто придумал разбросать по черному шелку небесного свода столько маленьких сияющих бриллиантиков и повесить рядом с ними белый диск, который так ярко сияет, что может осветить даже такую далекую поляну посреди тайги, точно был гением.

Глава 10. Охота

Было около четырех часов утра, когда Никита проснулся от зверского голода. Он с тоской вспоминал о зайце. «Завтра же пойду охотиться, – подумал он. – Если дед тоже через это прошел, значит, у него тут должны быть хоть какие-то охотничьи прибабасы. Может, даже ружье припрятал».

Воодушевленный своим смелым решением, Никита начал рыскать по дому в поисках чего-нибудь, что могло ему позволить добыть себе свежатины. Но ни капканов, ни тем более ружья не было. Нашелся моток веревки, из которой при должном опыте можно было бы соорудить силки, но такого опыта, разумеется, у Никиты не было. Еще можно было изготовить лук, его строение Никита себе хоть с трудом, но мог представить. «Как только рассветет, сразу пойду в лес за ветками,» – решил он. Мысль о предстоящей охоте так его раззадорила, что он не мог усидеть на одном месте. Постоянно подсакивал, смотрел в окно, не розовеет ли горизонт, ходил из угла в угол, постоянно ворошил прогорающие дрова и подкидывал новые. Это радостное возбуждение даже притупило чувство голода.

Наконец, за окном посерело. Никита с топором в одной руке, пилой в другой и лихо сдвинутой на затылок шапке, пошел в лес. Глаза едва различали окружающие предметы, ноги утопали в нехоженом снегу, и Никита снова поразился

найденным в доме валенкам Наконец, парень нашел, что искал: невысокая молодая сосна высотой в полтора метра могла вполне сгодиться для лука. Рядом нашлись деревья побольше, ветки которых должны были стать стрелами.

Разумеется, реальная жизнь имела очень мало общего с фильмами и видеоиграми. Все то, что показывают на экране, не может быть полноценным руководством в такой же ситуации в реальности. Никита сидел уже битый час, остругивая ветки тупым перочинным ножом и пытаясь придать им более или менее приемлемую форму для стрел. Мысленно он ругал себя за то, что недостаточно внимательно слушал учителя ОБЖ в школе. Делать луки их там, конечно, не учили, но наверняка были советы, как не умереть с голоду посреди тайги.

Изготовление подобия лука заняло несколько часов. Наконец, в руках у Никиты оказался прототип оружия, который недалеко ушел от тех луков, когда его далекие предки охотились на каких-нибудь саблезубых тигров. Но эти несколько деревяшек дарили ему надежду на свежий мясной ужин.

К тому времени, когда Никита был готов идти на охоту, он был уже совсем истощен. Как и в прошлый раз, выход на мороз стоил ему титанических усилий. Он прошел по лесу всего два десятка шагов, прислонился спиной к дереву и не мог найти в себе силы двигаться дальше. «Ничего, посижу еще минуту и встану», – думал он, – только дух переведу, и вперед». Минута превратилась в две, затем в пять. Пальцы

на руках и ногах почти онемели от холода, спина тоже почти примерзла. Нельзя было сидеть на месте, иначе и дичи было не достать, и замерзнуть – раз плюнуть. Встать на ноги Никита не мог, как бы ни старался, мышцам не хватало силы поднять тело. Тогда он встал на четвереньки и пополз.

Через несколько метров он, обессилев окончательно, рухнул на снег. «Тут и останусь, тут и умру, – подумал он. – Ну хоть дурацкий проект на работе сдавать не придется». Вдруг он услышал хруст ветки. Медленно поднял голову и увидел впереди между деревьями расплывчатый темный силуэт. Плохое зрение не позволяло понять, кто оказался перед Никитой, но оно было не нужно, чтобы почувствовать – перед ним не добыча. Это он – добыча.

Животное было приземистое, но крупное, покрытое темным мехом. Оно сперва стояло вдалеке, видимо, прикидывая, что за зверь сегодня станет его ужином. Решив, что распластавшаяся на снегу добыча, не будет сильно сопротивляться, и ее можно легко одолеть, животное подошло ближе. И тут Никита смог разглядеть свою судьбу. Перед ним стояла россомаха.

Маленькие острые глазки внимательно изучали человека, прикидывая, в какую часть тела лучше нанести удар. Черный нос дергался, стараясь уловить запах страха, подтверждающий, что перед россомахой действительно ее жертва. И она получила это подтверждение. Подойдя еще на шаг ближе и сократив дистанцию до одного своего прыжка, животное на-

пружинилось, готовясь к атаке.

Дальнейшие события уместились бы в три удара сердца. Удар – росомаха прыгает на Никиту, выпуская вперед свои громадные когти, целясь ими прямо в лицо парня, но Никита чудом успевает отклониться от траектории, и животное промахивается. Удар – после замешательства, длящегося долю секунды, росомаха снова атакует, на этот раз, целясь в незащищенную шею, которую Никита никак не может закрыть. Удар – и таежную тишину разрывает гром выстрела, с ветвей осыпается снег, на Никиту падает тяжелая туша зверя.

Парень лежал, зажмурившись, еще несколько мгновений. Когда он, наконец, силой воли разлепил веки, то увидел над собой румяное улыбающееся лицо Александры, которая держала в руках охотничье ружье.

– Здравствуй, омологи, – ласково поздоровалась она, – отдыхаешь?

Никита скосил глаза себе на грудь и увидел, скалящуюся прямо на него, морду росомахи. Он вздрогнул и скинул с себя мертвое животное. Сердце бешено билось, перед глазами плыли разноцветные пятна.

– Почему она на меня напала? – спросил Никита, переводя дыхание.

– Ясно, почему. Жрать хотела, – ответила Александра

Она села на корточки рядом с телом животного и скептически оглядела его.

– Еще подросток, – констатировала она, – совсем неопыт-

ный, иначе не полез бы к тебе. Росомаха – тварь хоть и злоющая, но хитрая и осторожная, охотится на тех, кто меньше ее. Хотя, давеча неподалеку я видела волчий труп, тоже росомаха загрызла.

Никита, собрав все свои силы, подполз к ближайшему дереву, прислонился к нему спиной, и, все еще тяжело дыша, протянул руку в сторону зверя.

– Можно?.. – фразу он не закончил, но Александра и так его поняла.

Она сняла с пояса охотничий нож и занесла его над телом. Через несколько минут она отдала Никите освежеванную тушу. И правда, зверь был совсем небольшой, мяса в нем было всего ничего, но даже этого парню хватило, чтобы тварь, поселившись в нем, наелась, а его самочувствие улучшилось.

Пока Никита ел, Александра ходила вокруг него, собирая с деревьев кору, какие-то ветки, искала под снегом что-то, наверное, коренья.

– На чай собираете? – после еды Никите не только стало легче физически, но и улучшилось настроение.

– Тайга не только мясо дает, – отозвалась женщина. – Если знаешь, что искать и где, то можно не только кормиться, но и хвори разные лечить. А тебе, я смотрю, понравилась свежати́на, а, молодчик?

Никита пристыжено опустил глаза. Хотя, если бы он только что съел не сырое мясо дикого животного, а, например, шашлык, то никакого стыда не испытывал бы. Еда – она и

есть еда, призвана наполнять силами. Тут Никита вспомнил про силы и спросил:

– Перед тем, как она на меня напала, я почти без сил был, полз едва-едва. Когда увидел, что она собралась прыгать на меня, уже попрощался с жизнью. Думал, что никак защититься от нее не смогу. А потом сам, против воли на спине перевернулся, она и промахнулась. Как так? Откуда силы взялись?

– Ты забыл, милый, – с грустью в голосе ответила женщина, – ты сам себе не хозяин, покуда не избавишься от паразита. А ему позарез надо, чтобы ты жил, чтобы пищу ему искал, вот он тобой так управлял, что ты увернуться смог. Если ты в лесу в такую стужу представишься, то и ему тут же конец придет.

За всеми этими приключениями и без того короткий северный день почти закончился. Солнце уже клонилось к закату, воздух стал стремительно остывать. Охотничью вылазку Никиты нельзя было считать удачной, ему по-прежнему нечего было есть. К утру голод снова его одолеет. Пока есть силы, нужно во что бы то ни стало добыть еще что-то.

Александра, будто прочитав его мысли, сказала:

– Надо бы тебе еще чего-нибудь найти, а то росомахи надолго не хватит.

– Но ведь уже смеркается, – Никита поднялся на ноги и отряхнул с себя снег.

– Ну тогда поторапливайся. Шибче, омологи, шибче!

Женщина вскинула на плечо ружье и высоко поднимая ноги, чтобы не увязнуть в высоком снегу, пошла вглубь леса.

Глава 11. Укрытие

Но это был неудачный день для охоты. Пару раз Александра вскидывала ружье, стараясь прицелиться в удирающего зайца, испуганного хрустом ветки под Никитиной ногой, но выстрелить не успевала, живность уходила. Когда совсем стемнело, стало окончательно понятно – сидеть Никите на голодном пайке.

– Надо возвращаться, – раздраженно сказала Александра и, круто развернувшись, зашагала обратно.

Никита засеменял следом. Он порядком устал, замерз, не говоря уже о том, что он впервые был в глухой тайге ночью, а после сегодняшних событий ему повсюду мерещились горящие глаза хищников.

Вдобавок ко всему, пошел снег. Сперва единичными робкими снежинками, затем все более крупными хлопьями, и в конце превратился в почти непроницаемую пелену. Непогода крепчала, ветер бушевал в верхушках деревьев, видимость становилась почти нулевой. Поднять голову было невозможно, лицо тут же залеплялось снегом.

– Держись за торбу, – скомандовала Александра.

Никита послушно ухватился за холщовую сумку и побрел сзади. Вдруг он уткнулся прямо в спину Александре. От неожиданной остановки ему стало не по себе, закрадывалось тревожное предчувствие. Женщина, прикрывая рукой гла-

за от снега, озиралась по сторонам. «Заблудились», – дрожа всем телом от холода и страха, решил Никита. И оказался прав. Сквозь снежную пелену направление невозможно было разобрать. Александра повернулась к нему и скомандовала: «Лапник ломай!» и для пущей наглядности подошла к, растущей поблизости, сосенке и сломала самую нижнюю ветку. Никита кивнул и пошел к соседнему дереву.

Ломать окоченевшими руками ветки было непросто. Еще постоянно приходилось озиаться, проверять, не ушла ли далеко Александра. Он очень боялся с ней разминуться. Одному ему было не выжить в этом белом аду. Он в жизни не строил шалашей, у него не было спичек, чтобы разжечь костер. Да черт возьми, он вообще костер ни разу в жизни не разжигал! Пока он воевал с двумя деревьями, Александра уже начала делать из большого сугроба пещеру. Она проворно выгребала руками снег, налепляя его слой за слоем на стены снаружи, укрепляя убежище. Наконец, снежная пещера была готова, пол устелен лапником, и двое бедолаг смогли укрыться от бури. Свод получился невысоким, сидя, Никита касался макушкой потолка, зато укрытие получилось довольно длинным, оба могли растянуться на полу во весь рост. У самого входа потрескивал маленький костерок, его тепла едва хватало на обогрев всей пещеры, но вид живого огня подбадривал. Непроницаемая стена снега снаружи, пляшущие на стенах блики костра и весь сюрреализм происходящего не укладывались в голове у Никиты. Он сидел,

поджав колени к груди, и смотрел на огонь.

Александра сидела рядом, копошилась в своей сумке. Она достала из нее небольшую кружку, несколько кусочков коры, холщовый мешочек с травой и какие-то ветки. Набрав кружку снега, она поставила ее около огня, стала ломать ингредиенты на маленькие кусочки.

Никите нравилось наблюдать за ее плавными, но точными движениями. В свете костра черты лица женщины приобрели мягкость, она стала еще красивее. И даже в такую стужу Никита чувствовал исходящее от нее тепло, как от печи.

– Что вы варите? – спросил Никита.

– Надо набраться сил, – тихо ответила Александра, не отвлекаясь от своего занятия, – кора кедра укрепит дух и не даст злым силам проникнуть в наше укрытие, шиповник насытит тело, можжевельник утолит тоску и печаль. Нам сейчас это нужно. Да и потом, это просто вкусно.

Никита вспомнил, как плохо ему было от прошлого чая, когда Александра пришла в нему и объяснила, что с ним стряслось. Сейчас запах заваривающегося напитка не казался ему таким отвратительным. Он, пожалуй, даже сможет его выпить.

Женщина взяла в руки кружку с чаем, медленно вдохнула его аромат и сделала глоток.

– То, что нужно, – улыбаясь, сказала она и протянула кружку Никите.

Он тоже сделал глоток. Все-таки был у напитка неприят-

ный вкус. Он был очень горьким, и проглотить его Никита смог не сразу. «Наверное, это из-за кедра, – подумал он, – если эта штука внутри меня – зло, тогда ей кедр поперек горла встанет».

Кружка быстро опустела, Александра поставила топиться еще одну порцию снега.

– Расскажите о себе, – робко попросил Никита. После чая ему стало так хорошо на душе, так легко. Пурга за окном его ничуть не тревожила, он стал согреваться.

Женщина едва заметно улыбнулась.

– Зачем тебе это? – спросила она. – Ты скоро отсюда уедешь, позабудешь все здесь произошедшее как страшный сон. Ни к чему привязываться.

Никите показалось, что на словах про отъезд голос ее стал как-то особенно печален.

– Почему мне нужно уехать?

– А какая тебе здесь жизнь? – отвечала женщина. – Что ты будешь в нашей глуши делать? Пушкину продавать да водку глушить? Тут и без тебя таких полно. А больше тут делать нечего.

– А вы? – сорвалось у Никиты против его воли. Она даже прикрыл рот рукой от неожиданности.

Вдруг Александра рассмеялась звонким заливистым смехом. Смех этот был так заразителен, что и Никита не смог сдержать улыбки.

Насмеявшись вдоволь, утерев тыльной стороной ладони

слезящиеся глаза и всыпав кору и ветки в кружку, Александра весело спросила:

– Уж не мой ли магазин отобрать у меня хочешь, а, омологи? А помощники мне не нужны. Сама управляюсь.

– Я же не в этом смысле, – снова против своей воли сказал Никита.

Слова как-то сами стали слетать с его языка, но его это не беспокоило.

Александра повернулась к нему, протягивая кружку и ласково, вкрадчиво спросила:

– А в каком же тогда смысле, милый?

Никита принял из ее рук напиток и потупился. Он никак не мог собраться с силами и посмотреть ей в глаза. Наконец, когда пауза стала совсем невыносимой, он пробормотал:

– А, может, я ради тебя тут хочу остаться.

С лица женщины сошла краска, в прищуренных глазах сверкнули огоньки.

– Ты мне это брось, – строго сказал она, – зачем такие глупости городишь? Тебе слово сказать ничего не стоит, а мне потом как с услышанным быть? Когда говоришь, думай не только о том, что сказать, а еще о том, что другие услышат. А если не уверен, что правильно услышат, то и не говори вовсе.

Она отобрала у Никиты кружку с остатками чая, осушила ее до дна, в сердцах бросила в сумку и подкинула в костерок еще несколько веток.

В прошлой жизни Никита бы растерялся, зарделся и вообще выбежал вон. Но сейчас в нем что-то изменилось. Он и чувствовал себя совсем иначе. Тело было спокойно и расслаблено, никакого волнения не было, сердце билось ровно. Мысли тоже были стройными и четкими. Он коснулся руки Александры, та резко обернулась на него, но руки не отдернула. Никита тихо, но твердо, тоном, не принимающим возражений, сказал:

– Я правда хочу остаться с тобой.

Она смотрела ему прямо в глаза. Ее зрачки расширились, ярко-зеленой радужки почти не было видно. Но лицо было спокойным, ни одна черта не выдавала ее эмоций. Никита коснулся ее щеки. Кожа под кончиками пальцев была такая гладкая и нежная, будто это было лицо не зрелой женщины, а юной девушки. И, хотя из-под шапки выбивались седые пряди, в остальном женщина, пристально смотрящая на Никиту, была едва ли не моложе него. Она была прекрасна. Никого красивее ему еще не доводилось видеть. В тот момент в его сердце прочно укоренилось убеждение: чтобы ни случилось, он будет с ней.

У Никиты не было большого опыта общения с девушками, у него была всего пара подружек в годы студенчества. Он всегда очень робел, когда с ними дело доходило до близости. Но сейчас он точно знал, что и как нужно делать. При этом в его мыслях и желаниях не было ни капли пошлости, ему просто хотелось ее поцеловать. Он весь подался к ней,

не отводя глаз от ее губ. Но Александра отстранилась, причем сделала это так мягко и деликатно, что Никита понял: дальше настаивать не нужно.

Она легла на лапник, вся сжалась, чтобы сохранить тепло и закрыла глаза. Никита лег рядом и тоже приготовился уснуть.

Глава 12. История

– Я в этой деревне уже лет тридцать живу, – вдруг сказала Александра.

Никита посмотрел на нее, но она по-прежнему лежала с закрытыми глазами.

– Бабка моя была местной травницей. Единственная в округе могла лечить и людей, и животных. Я совсем крошкой была, когда родители переехали в Туру и меня с собой забрали. Тут-то, чем им заниматься было? Там мы недолго прожили, с полгода, может. И бабушка померла, дом на меня отписала. Отец сперва продать его хотел, да кому он нужен, в глухомани такой. Остался стоять. Мы сюда не приезжали почти. А потом отец запил, следом и мать к бутылке прикладываться стала. Как-то раз, упились оба до умопомрачения, меня отлупили, и на мороз выставили. Я на улице несколько часов провела, вернуться в дом боялась.

Никита смотрел на нее во все глаза, а на лице женщины ни одна черта не выражала тех эмоций, которые должны были сопровождать ее рассказ. Она будто зачитывала прогноз погоды, а вовсе не историю маленькой девочки с тяжелой судьбой.

– А утром, когда народ уже по улице ходить стал, увидели меня на крыльце дома лежащую, – продолжала она. – Я калачиком свернулась, чтобы помирать теплее было. В дом

зашли – там страх. Отец в горячке мать убил и сам на себя наложил руки. Меня у фельдшерицы на пару дней поселили, она мои пальцы обмороженные лечила. А как-то утром пришла ко мне и говорит: «Собирайся, дитя, в большой город поедешь, там человека из тебя сделают». И людей чужих с собой привела. Одна баба там была, здоровая такая, высокая, в шапке лохматой и такой же шубе, как есть медведица. Она меня перед собой поставила, ледяными с улицы руками давай трогать, проверять, не больная ли я, не калека ли. Кому же такое понравится? Ну я и отпросилась, будто бы до ветру сходить. На улицу выбежала, смотрю, у магазина машина стоит, которая продукты по ближним деревням возит. Сама юркнула в кузов, за коробками спряталась. Так и доехала до родной деревни. Водитель, когда меня в кузове увидел, отругал на чем свет стоит.

Никита сразу представил себе это картину.

– В деревню, как вошла, сразу в дом бабушкин, а он на замке, все ставни тоже заперты, не попасть. Я к соседям. Жила неподалеку у нас тетя Аяна, она меня всегда привечала, добрая тетка была, не зря такое имя носила. У эвенков «Аяна» значит – «добрая». У нее дети с внуками тоже из деревни давно уехали, она одна свой век доживала. Я как в дом ее зашла, она меня кинулась обнимать, потом шапку с меня снимает, а у самой глаза на лоб лезут. Увидала меня всю седую, в семь-то лет. Тетя Аяна меня к себе приняла, к лекарскому делу понемногу приобщала, рассказывала, какая тра-

ва от какой хвори. И охотиться научила, по-их, по-эвенкийски, с луком и силками. А потом и ее не стало. Врачеванием я занялась. Ко мне со всей округи приходили, а к лежачим я и сама ездила. Потом и магазин открылся, продавца туда надо было. Я вызвалась. Такая у меня история.

Александра повернулась на спину и открыла глаза. В дрожащем свете костерка ее профиль был похож на мраморный. Ее красота никак не вязалась с теми испытаниями, которые пришлось перенести этой женщине.

– Как вы пережили все это? – до сих пор, не осмыслив услышанное, спросил Никита.

– Нормально пережила, – совершенно спокойно ответила Александра. – Обо мне заботились, научили делу, оставили кров над головой. За все это я очень благодарна судьбе.

– Но ведь вы живете в этой глуши, одна, без семьи. Неужели никогда не хотелось уехать в другое место, в большой город?

– Никогда. Что мне там делать? Травмами людей врачевать? Да брось, никому я там не нужна. Зато здесь сгодилась. Где родился, там и пригодился, знаешь такую поговорку?

Никита кивнул.

– И вам нравится тут жить? Так далеко от остального мира?

– Конечно, нравится. Если человеку что-то не нравится, он берет и делает что-то по-другому. А если сидит сиднем и только скулит, как все кругом плохо, значит, это ему и нуж-

но. А мне здесь хорошо, я тут нужна.

«Как же она права, – подумал Никита, – во всем права, до последнего слова». Потом добавил:

– Может, на другом месте и возможностей было бы больше. Ваши родители же тоже за новыми возможностями уехали.

– И ты помнишь, чем все закончилось, – ответила она. – Не место человека делает, омологи. Люди едут толпами в большие города, думая, что там их ждут не дождутся, что, как только переедут, так сразу все само собой наладится. Но только вот в другое место ты себя с собой везешь, и, если у тебя с собой неладно, значит тебе везде тоска будет. Везде можно жить хорошо, и везде можно жить плохо. Это только от тебя самого зависит.

Никита чуть помедлил, собираясь с духом, и спросил:

– А если я вам предложу со мной поехать в Москву, вы согласитесь?

Александра повернула к нему лицо, внимательно посмотрела на него и тихо, но без тени грусти ответила:

– Нет.

Она снова закрыла глаза. Никита еще долго не мог уснуть, лежал, уставившись в потолок снежной пещеры, и прокручивал в голове историю самой красивой женщины, которую он когда-либо встречал.

Глава 13. Путь

К утру снегопад поутих.

Когда Никита проснулся, Александры рядом не оказалось, как и ее сумки. Он выполз из укрытия и огляделся. Его окружало белое безмолвие. Снега навалило по колени, но от входа в снежную пещеру вела цепочка следов. Никита пошел по ним и через несколько метров увидел женщину. Она сидела, склонившись над чем-то. Услышав звук шагов, она обернулась и поздоровалась с Никитой. Он улыбнулся в ответ.

– Это силки? – спросил он, приблизившись и увидев, как Александра собирает мудреную конструкцию из нескольких палок.

– Угу, – отвечала она, не отрываясь от своего занятия.

– Кого вы хотите поймать?

– Кому меньше повезет, тот и поймается.

Она поднялась, критическим взглядом осмотрев конструкцию, и вздохнула:

– Давно не ставила, худые получились.

Она зашагала прочь, в противоположном направлении от их вчерашнего укрытия. Никита побрел за ней. Он старался попадать след в след, чтобы не провалиться в глубокие сугробы. Шли молча. После вчерашнего, обоим было над чем подумать.

Никита терзался: в этой таежной глуши остаться он не мог, нужно было возвращаться в Москву. Но вчера он уже сказал Александре, что хочет быть здесь с ней. Он тщетно пытался прислушаться к голосу сердца, чего же оно хотело. Но оно молчало, не знало ответа. Тогда Никита призвал на помощь весь свой рационализм. Обычно, будучи на распутье, как сейчас, он накидывал на листочке в два столбика аргументы «за» и «против». И как обладатель технического мышления, просто смотрел, где больше плюсов, а где минусов. Но сейчас ни листочка, ни ручки у него не было. Мысли, которые он пытался привести в порядок, разбредались в голове, сам парень постоянно отвлекался на то, как бы попадать в следы идущей впереди женщины. Через несколько минут такого напряженного, но пустого раздумья, он сдался. Решил отложить решение до возвращения в дом.

Александра же погрузилась в воспоминания о своем детстве, которые явила вчера из дальних уголков своей памяти. Она много лет не доставала их оттуда, в них не было необходимости. А теперь, когда она их вновь обнаружила, уже не могла так же легко затолкать обратно.

И вот в чем был фокус: она совсем не чувствовала себя обиженной или несчастной. Для нее, не знавшей другого, это было нормально. Это не сломало ее, не искалечило ни душу, ни тело. Ну, поседела, тем и отделалась. И Александре не в чем было винить этот мир или обижаться на него. Но тогда, почему же эти мысли такие тяжелые и мрачные? Почему

они, пролежав столько лет в ее подсознании пыльным хламом, вдруг заняли все ее внимание? Она не знала этого, но ей очень хотелось ответить на этот вопрос. Ей казалось, что как только она это поймет, то сразу избавится от этого гнёта.

Наконец, они вышли к дому. Дорога заняла больше времени, чем должна была, и все из-за глубокого снега. Александра, всё ещё задумчивая, сказала:

– Помнишь, где силки стоят?

Никита молча кивнул. У него, почему-то не получалось посмотреть ей в глаза.

– Сходи, проверь через пару часов. Да по дороге не забудь зарубки ставить на деревьях, а то снег пойдет, следы заметет, не воротишься.

Он снова кивнул.

Александра подошла к нему и совершенно неожиданно для Никиты взяла его лицо в свои ладони. Их взгляды встретились.

– Молодой ты еще, не знаешь ничего, – сказала она сухо и строго. – Как только выведем мы из тебя эту тварь, сразу уезжай. Нечего тебе здесь делать.

У Никиты будто онемел язык, совсем не поворачивался ответить. Парень так и стоял, хлопал ресницами, не отрывая своих серых глаз от ее зеленых. А женщина отняла от его лица руки, вздохнула и пошла в сторону своего дома. Никита еще какое-то время постоял, провожая ее взглядом, потом вошел в дом.

Зайдя в выставленную, за время его отсутствия, и неудобную комнату, он ощутил такую гнетущую тоску, что просто сел за стол, уронил голову на руки и сидел так до тех пор, пока его не одолел холод. Нужно было затопить печь, позаботиться о еде, привести себя в порядок, в конце концов. Никита уже и забыл, когда последний раз чистил зубы и вообще смотрелся в зеркало. Вдруг от мысли о том, что он совсем потерял счет времени, его бросило в жар. Какое нынче число? Его отпуск, наверное, уже подходит к концу. Должно быть, осталась пара-тройка дней. Нужно было что-то решать с этой дрянью внутри и собираться домой. Черт с ним, с этим домом, пусть стоит. Есть, пить не просит, вдруг сгодится в будущем.

И тут Никите в голову пришла другая мысль: а что, если он не сможет избавиться от своего недуга и не вернется в Москву? Что с ним будет? Объявят в розыск? Никто, кроме нотариуса не знает, где Никита. Будут ли его искать? А если он сам захочет остаться тут? Будет охотиться, кое-как выживать. Тут и Александра рядом будет.

Никита представил себя лет через пятнадцать: длинные спутанные волосы, борода, грязные загибающиеся ногти, почерневшие зубы. Ведь такими он представлял себе отшельников. Вся его жизнь будет подчинена одному порядку: проснуться, затопить печь, нарубить новых дров, поймать дичь, поесть, лечь спать. И так годы складываются в десятилетия, никто не ищет Никиту. И почему-то ему не стало жутко от этих мыслей. Его, насквозь цивилизованного городско-

го парня, не пугала перспектива провести свой долгий остаток дней в этом месте. Даже как-то легко стало от мысли, что такая жизнь освободит его от необходимости ходить на работу, платить коммуналку, общаться с людьми. Он будет сам себе хозяин.

Однако, решение пора было принимать. Никита хотел обдумать все как следует по дороге к силкам и за ужином. Погруженный в свои мысли, он брел по следам вглубь леса. Он не сразу заметил, что с неба снова стали сыпаться редкие снежинки. С каждой минутой снегопад усиливался, и, когда Никита добрался до силков, он уже сыпал вовсю. Поднимался ветер.

Силки оказались пустыми, возвращаться придется ни с чем. Поправив ловушку, парень уже засобирился обратно, как вдруг, оглядевшись, понял, что следы замело. Он не знал в какую сторону нужно идти. Его охватила паника, он начал метаться по поляне, пытаясь найти какой-нибудь знакомый признак, указывающий ему нужное направление. Не увидел ничего. Он не особо-то следил за дорогой, что в одну, что в другую сторону. «Идиот, – ругал он себя, – она же сказала ставить зарубки на деревьях». Никита запрокинул голову, подставив лицо снегу, вдохнул глубоко, как мог. Это помогло ему немного прийти в себя. Он выбрал примерное направление, откуда, как он полагал, пришел, и решил идти туда.

С каждым шагом становилось все труднее, но не только из-за усиливающегося снегопада. Никита чувствовал, как

его покидают силы. Он давно ничего не ел, и поселившаяся в нем тварь порядком проголодалась. Ему приходилось собирать остатки своей воли в кулак, чтобы сделать очередной шаг. Юноша опирался на деревья, чтобы удержаться на ногах. Потом и это перестало ему удаваться, пришлось опуститься на четвереньки и ползти, а не идти.

Наконец, между деревьями показался дом. Но он был незнаком Никите. Он был больше, немного в стороне от него была еще одна постройка, похожая на баню.

Еще один рывок – и Никита сможет зайти в тепло. Не прогонят же его люди, в самом деле. Он подполз к крыльцу, последнее, что он смог сделать прежде, чем совершенно обессилить – постучаться. Сначала он услышал шаги, потом скрип дверных петель, а затем детский голос: «Папа, тут дяденька лежит», а затем этот же голосок, стараясь перекрыть залиvistый лай, сказал: «Звездочка, фу! Иди наверх».

Глава 14. Знакомство

Никита обнаружил себя лежащим на полу в большой комнате. Было тепло, он слышал треск дров в печи. А еще увидел рядом с собой маленькое детское личико. Девчушка смотрела на него во все глаза и качала головой. Увидев, что незнакомец, которого она нашла на крыльце дома, открыл глаза, она защебетала: «Папа! Папа! Дяденька очнулся!» – и убежала. Видимо, за отцом.

Никита попытался осмотреться. Просторная комната была обставлена скромно, но в ней было тепло и светло. Над головой слышались шаги, там был второй этаж. Никита с трудом перевернулся на живот, потом встал на четвереньки и подполз к стене. Прислонившись к ней спиной, он увидел, что в дальнем конце комнаты есть лестница, по ней спускался мужчина, неся в руках небольшую сумку с красным крестом, за ним спускалась девочка.

Когда мужчина подошел поближе, Никита рассмотрел его. Тот был высокий, едва не касался головой потолка, густые, как смоль, волосы и борода придавали ему разбойничий вид, из-под таких же густых черных бровей поблескивали водянистые глаза.

– Сонька, поставь чайник греться, – скомандовал отец.

Девчонка послушно ушла на кухню.

– Как себя чувствуешь, пацан? – спросил он Никиту.

Тот лишь утвердительно кивнул, мол: «Сойдет».

– Ранен? Где-то болит?

Помотал головой: «Нет».

– Давай, помогу тебе встать, надо тебя горячим напоить, – сказал мужчина и присел, чтобы закинуть руку Никиты себе на шею, но тот дико шарахнулся от него.

Мужик удивленно уставился на пришельца со звериными повадками, а спустя мгновение его лицо просияло, словно он увидел старого друга. Никита тоже ощутил что-то странное: в адрес мужчины он не чувствовал никакой агрессии, не хотел на него нападать, как на добычу, напротив, ему казалось, что перед ним – друг.

– Ну привет, браток, – с усмешкой сказал хозяин дома и тут же крикнул дочери, – Сонька, ну-ка, марш наверх, и сиди там, пока не позову.

Девочка, привыкшая беспрекословно слушаться отца, взбежала вверх по лестнице.

Хозяин дома придвинул табурет ближе к Никите, сел на него и несколько секунд пристально вглядывался в глаза парня. Наконец, криво ухмыльнувшись, он спросил:

– И как же тебя угораздило так влипнуть, пацан? Чего ты забыла в этой глухомани?

– У меня дед умер, оставил в наследство дом здесь, вот я и приехал его посмотреть.

– Так ты Самойлова внучек? – обрадовался хозяин. – Копия дед! Ну, как тебе тут у нас в изоляторе?

– В каком изоляторе? – спросил Никита.

Хозяин прищурился и протянул:

– Так ты, брат, не в курсе, кто ты теперь?

Никита помотал головой, а хозяин хлопнул себя по коленям здоровенными ручищами, поднялся с табуретки и кивнул головой в направлении стола, приглашая Никиту сесть. Тот поднялся, держась за стенку, и неуверенно подошел. Мужчина достал из морозильника пакет и начал что-то делать с ним, но из-за широкой его спины Никите не было ничего видно. Наконец, на столе перед парнем оказалась тарелка с темно-красным нарезанным полосками мясом. Оно было мерзлым, покрытым инеем. Никита принял это молчаливое приглашение хозяина отведать угощение. Он ел медленно, клал куски мяса в рот, ждал, пока они оттают, а потом с наслаждением жевал.

Хозяин не торопил его, сидел напротив, поигрывая ножом. Когда Никита закончил, снова завел разговор:

– Как оно было?

Никита с непониманием посмотрел на мужика.

– Ну, вот ты зашел в дом, печь затопил, и когда он появился? Сразу?

До него дошло, что хозяин расспрашивает его о появлении паразита. Он рассказал все, что произошло с ним за последние дни, только про Александру не упомянул, мужик только кивал головой. Потом настала очередь Никиты спрашивать:

– А вы тоже, ну... с этим?

Никита сам не мог понять, откуда ему известно, что перед ним тоже носитель паразита. Это было сродни интуиции.

– Да, брат, и я с «этим», – засмеялся хозяин. – И не я один. Нас тут целая деревня, сидим как в карцере.

От прежней веселости не осталось и следа, лицо хозяина приняло озлобленное выражение, глаза засверкали.

– Почему как в карцере? – спросил Никита.

Мужик сложил локти на стол и навалился на них всем своим весом. Он глянул в сторону, словно пытался унять поднимающееся в нем раздражение, потом снова посмотрел на Никиту.

– Ты чего, вообще ничего не знаешь?

В ответ парень только пожал плечами.

– Ну так слушай, пацан.

Про Ермака слышал? Был такой казак в давние времена. Пришел со своими парнями за Урал жизни вольной искать, а заодно и расшугать туземцев, которые тамошним купцам Строгановым жизни не давали своими набегам. Только вот царь был не в курсе их кампании, а самостоятельность в те времена, сам понимаешь, не приветствовалась.

Был среди товарищей Ермака атаман Иван Кольцо. Лихой мужик был у царя в немилости за то, что как-то обчистил государевых людей, возвращавшихся из Ногайской Орды. Был он, однако, смелый, и с людьми хорошо сходил. Когда Сибирское ханство к ногтю прижали, Ермак в Кашлы-

ке расквартировался, а Ивана Кольцо с его людьми снарядил в Москву, царю докладывать.

Вместе с дюжиной казаков Кольцо прибыл в Белокаменную. Атаману на глаза царю попадаться было нельзя, он отправил на поклон своих хлопцев, а сам в городе ждать остался. Те рассказали царю, так, мол, и так, ханство Сибирское теперь не угрожает, ясак платят исправно, можно дальше на Восток идти. Царь хоть и был мужик вспыльчивый, но мыслил глобально и богатства не чурался. Рассуждения о том, что пушнины с продвижением на восток станут больше, а казна богаче, пересилили. Пожурил он кольцовых казаков за самоуправство, да и благословил на дальнейшие походы.

Среди прочих наград и даров, которыми царь снарядил посланников, была дюжина склянок со странным содержанием. В ночь, накануне отбытия отряда в Кашлык, царь позвал к себе одного из казаков, Ивана Александрова по прозвищу Черкас, и рассказал, что в склянках тех содержится некая волшебная сила, которая поможет Ермаку и его ребятам в покорении дальних земель. И царь наделяет честью воспользоваться этой силой именно казаков Черкаса. Царь строго-настрого приказал откупорить склянки все разом и только после того, как отряд покинет город и будет находиться на расстоянии не ближе десяти верст от ближайшего поселения.

Кольцо немало удивился, услышав царевы инструкции от Черкаса, но наказ исполнил, хоть и не в полном объеме.

Как только вышли из Москвы и отошли на десять верст от последней деревни, стали на привал. Кольцо рассказал своим парням, что в склянках находится, но откупорить решил не все двенадцать, а только половину. Вторую решено было припрятать до поры до времени. Положение у Ермака была завидное, работу он уже большую сделал, разогнав Сибирское ханство, и тот, кто сменил бы его на таком посту, пришел бы на все готовенькое. Кольцо не погнушался предать товарища ради такого козырного места.

Первый из его ребят, Богдан, склянку откупорил, из нее сперва только дымок пошел. Он горлышко ко рту поднес, хотел пригубить, да тут из бутылки какая-то зеленоватая прозрачная тварь как вылетит, и прямиков Богдану через рот в нутро. Уж он и за горло да за живот давай хвататься, а потом и вовсе в стороны его швырять начало, вчетвером еле удержали. Тот ночь в бреду пролежал, а под утро, когда всех, в том числе дозорного, сон сморил, он – раз – одному из своих глотку перегрыз. Кольцо, когда проснулся и увидел, что произошло, сначала хотел взбесившегося убить, но тот взмолился, чтоб пощадили его. Клялся, что на своих больше не будет нападать. Тут-то Иван понял, почему царь ему наказал вдали от других людей склянки открыть. Пока два дня шли, Богдан переменялся: своих сторонится стал, едва плелся поодаль, сил совсем в нем не осталось. Как все есть садятся, так тот аж лицом сереет, не может еду человеческую переносить. Как-то легли почивать, а к лагерю заяц выбежал. Бог-

дан изловчился – хватъ – и проглотил ушастого. Силы вдруг в нем прибавилось: то, что другие втроем несли, Богдан один мог. Тут он понял, что именно дикое мясо столько сил ему придает. Теперь, когда отряд останавливался на привал, и молодцы доставали хлеб да водку, Богдан в чашу шел, откуда возвращался со свежатиной, а наевшись – всем в силе и выносливости мог фору дать.

Кзаки поняли: то, что хранилось в склянках, вовсе не опасно, а даже наоборот, может из них сверхлюдей сделать. Начали они просить у Ивана, чтобы он раздал им оставшиеся склянки, что с такой силой они не только Ермака с его разгромом Сибирского ханства за пояс заткнут, но вообще весь мир покорят. Половине своего отряда Кольцо доверял, хотел их сделать своими приближенными, но была же еще и вторая. Как-то ночью собрал Кольцо четверых своих доверенных, раздал им бутылки и себе одну взял. Запустили в себя тварей, да как с цепи сорвались, пожрали вторую половину отряда. Оставшиеся шесть бутылок Кольцо припрятал, хотел по возвращению в Кишлык другим своим доверенным раздать, уж тогда-то они разгуляются. Так и сделал, когда добрались. Теперь у Кольца было одиннадцать соратников с невероятной силой. Но свергать Ермака пока не торопились.

Атаман был ходок по женской части. Как-то, разомлев от ласк да от водки, рассказал одной местной дивчине про то, какой у него есть гениальный план свержения Ермака. Девчонка была из северных – тунгуска, кажется, Кольцо-то ду-

мал, что она по-русски не бельмеса, вот и разговорился. А девчонка эта была внучкой шамана, она про такие вещи, дающие силу в обмен на кровь, знала. Та рассказала своим братьям, которые были связаны с местным мурзой. Тот решил одним выстрелом сразу трех зайцев убить: лишить Ермака одного из лучших атаманов, выслужиться перед великим ханом и завладеть силой, подаренной царем казакам. Прикинулся тот бедной овечкой, пришел к Кольцу на поклон, помогай, мол, атаман, ногаи замучили, сил нет. Когда он привел Кольцо с его сорока казаками в своей шатер засвидетельствовать дружбу, так сказать, и хотел было всех перебить, налетели тунгусы и отбили дюжину казаков во главе с атаманом, остальных бросили, но уж мурза тех порешил. А Ивана с его парнями так и не нашли.

Хозяин выдержал паузу, изучающе посматривая на Никиту. Тот сидел в полнейшем недоумении и не мог сообразить, какая связь между глухой деревней в Красноярском крае и похищенным Ермаковским атаманом. Хозяин тем временем встал из-за стола, подошел к оставленному на столе куску мороженного мяса, отрезал тонкую полоску и съел ее прямо с ножа, плотоядно, но в то же время насмешливо, глядя на Никиту.

У того в голове стало проясняться.

– Значит, эти паразиты, которые в нас живут, и есть те самые, которые Кольцо с казаками... – он не договорил, не смог подобрать правильное слово.

Хозяин кивнул и вернулся за стол.

– А вот теперь, давай, брат, знакомиться, – он протянул Никите здоровую ручищу. – Я – Иван Кольцо.

Глава 15.

Круговорот

Никита уставился на Ивана. В голове роились мысли и догадки, никак не желающие сложиться в логичное объяснение. Но одно Никита знал почти наверняка – перед ним, если и не сам Иван Кольцо, то, по крайней мере, его прямой потомок.

Хозяину нравилось наблюдать, как мысли, одна противоречивее другой, отражаются на Никитином лице. Он не выдержал и расхохотался в голос. Успокоившись и вытерев выступившие слезы здоровенным кулаком, Иван обратился к гостю:

– Ну давай, спрашивай уже.

Парень еще мгновение собирался с духом, но, наконец, выдал из себя:

– Вы и есть Иван Кольцо?

Голос его прозвучал так тонко и боязливо, словно кролик спрашивал удава, съест ли он его сегодня на ужин. Иван снова расхохотался еще веселее прежнего. Немаленький хозяин дома в этом припадке громоподобного смеха казался каким-то сказочным великаном. Придя в себя, он ответил:

– Нет, парень, Иван Кольцо – мой пра-пра-пра-пра-пра-дед. Но, ей богу, мы с ним одно лицо!

Никите стало немного легче. Хотя бы биологический закон смены поколений тут действует.

– Так, значит, тунгусы не убили кольцовских казаков? – спросил он.

– Да лучше б убили, – настроение Ивана резко сменилось, он стал серьезным, даже угрюмым. – Они месяц гнали казачье через тайгу. Связали их, кормили крохами, чтобы сил хватало только на ходьбу, и чтобы о побеге никто не думал. Наконец, пришли в тунгусский поселок. Посадили казаков в какой-то чум на отшибе, охрану приставили и еще месяц там мариновали. Потом пришел в тот чум шаман, давай их расспрашивать, откуда у казаков сила взялась. Те рассказали, от царя, мол, дар был, чтобы Сибирь быстрее покорялась, сверхлюдей государь сделать из них захотел. Шаман им тоже рассказал, что тварь эта – древний паразит, его Чингисхан из Индии привез, тоже хотел из своих воинов сверхлюдей сделать. Но как пользоваться зверушкой не знал, все к шаманам разным ходил, к тунгусским тоже, хотел изучить сущность. Но помер хан, не успел испытать. Тогда внук его, Батый, решил сделать из своих ребят небывалых бойцов, а испробовать решил в походе на Русь. Но не свезло, стащили у него питомца, кто – неизвестно. Да только вот несколько столетий про паразита ни слуху, ни духу не было, а тут – на-те, нарисовались казачки, да еще и с таких содержимым.

Рассудил шаман, что надобно паразита изничтожить, а то бед может наделать. Решили на древнем тунгусском капище

провести ритуал изгнания, только вот, какой именно ритуал нужен, никто не знал. Покамест решили подержать казачков там. На капище энергетика сильная, носители злого паразита уйти оттуда не могли. Но тунгусы – народ человечный, они не просто так месяц казаков мариновали в чуме. На месте капища, точнее совсем рядом с ним, поставили несколько срубов, чтобы хлопцы жить там могли, покуда шаман не придумает, как паразита уничтожить. Так и поселились там кольцовские казаки. Защита, которую капище давало, далеко распространялась, так что казаки могли сами на дичь в тайге вокруг охотиться, но при этом за границы защитные не заходить.

Видать, непростая задача с паразитом-то была. Затянул шаман с ритуалом. Так и жили казаки, потом к ним в поселение тунгуски стали приходиться, детишки пошли. Со стороны, так вообще, обыкновенная деревня. Даже попы, бывало, приезжали. Казаки просили им помочь, освободить от паразита, но православная церковь там была бессильна, тунгусы тоже не знали. Так и застряли казаки тут.

Иван тяжело вздохнул, отрезал себе еще мяса, стал жевать, погрузившись в мысли. Воспользовавшись паузой, Никита размышлял: «Вот почему дед здесь оказался. Если тут рядом капище, он наверняка приехал его изучать. Ничего не подозревая, решил тут остаться. А что потом с ним случилось? Как он заразился?».

Хозяин, словно услышал мысли Никиты, встрепенулся и

вернулся к рассказу:

– Деду твоему не повезло просто. Не в том месте, не в то время оказался.

Тут же как происходит: вот есть мужик, у него внутри паразит. Сидеть он в нем будет до тех пор, пока у мужика десятым по счету ребенком не родится сын, тогда паразит в ребенка перейдет, а мужик освободится, стало быть, может уехать. Да кто же уедет, наклепав тут десяток детей? Ты сам-то представляешь, каково это, попытаться родить столько детей, чтобы десятый был сыном? Не многим это удавалось, а мой предок, вот, не оплошал.

Иван снова расхохотался, Никита тоже улыбнулся.

– А так, мужики в основном помирали с паразитом внутри, – лицо Ивана опять стало серьезным, – а, как только рядом с мертвым телом оказывался другой мужик, паразит сразу в него переселялся. Вот и получается, что никуда из этого круга не деться и от паразита не избавиться.

А с дедом твоим такая история приключилась. Он, когда в деревню к нам приехал, поздно уж было, все по домам сидели. Он в первую избу зашел, а там как раз Толька, покойник, лежал, его на завтра хоронить собирались. Всех мужиков, кто без паразита, внутрь строго-настрого было запрещено пускать, ну, а дед твой не знал, зашел, и на тебе. А хороший был мужик он, добрая душа.

Иван опять замолчал, предавшись воспоминаниям о Никитином дедке.

Сам Никита сидел, уставившись в одну точку, и пытался переварить услышанное. Он не был до конца уверен, что Иван его не разыгрывает. Но на лице хозяина не было и тени усмешки. Если все, что произошло с Никитой за последние дни, реальность, а не галлюцинация, то такое объяснение тоже может быть правдой.

И на него всей своей тяжестью обрушилось понимание: для Никиты нет пути обратно. Он будет вечно тут прозябать, не имея никакой возможности сбежать из проклятой деревни. Иван, наблюдавший за реакцией парня, грустно усмехнулся:

– То-то же, брат. Тебе, как и деду, не сvezло...

Глава 16. Осознание

Какое-то время Никита сидел, уронив голову на руки и пытался обуздать снующие в его мозгу мысли. Иван не торопил его, он медленно срезал с мерзлого куска тонкие пластины мяса, с наслаждением жевал их. Затянувшееся молчание прервала Сонька. Она как мышка прокралась к отцу, прильнула к нему и пролепетала:

– Папочка, Звездочку надо выпустить погулять.

Ее тоненький и нежный голосок выдернул Никиту из тяжких раздумий. Он, суется, стал собираться. Иван что-то шепнул девочке, и та снова убежала наверх, а сам хозяин проводил Никиту до двери.

– Ну, брат, бывай. Если с мясом туго будет, заходи, угощу. А вообще, ты себе тоже запасы сделай. Тайга капризная бывает, а в последнее время так вообще плохо с дичью стало.

– Что, в тайге не хватает зверья? – удивленно спросил Никита.

– Представляешь, сколько лет мы уже тут сидим? – с усмешкой ответил Иван. – Всё в округе пожрали.

Со второго этажа раздались маленькие частые шаги и цоканье когтей. Сонька вела на поводке белоснежную пушистую лайку. Пока девочка одевалась, собака нетерпеливо металась от двери к Соньке и обратно. Ивану надоело эта суэта перед глазами, и он прикрикнул на лайку: «Сидеть, Звезда!».

Та послушно уселась, прижав уши.

– Она папу слушается, – похвасталась девочка.

Все вместе вышли на крыльцо. Сонька со Звездочкой стали играть в догонялки. Когда собака догоняла девочку, та падала в снег, и обе начинали веселую возню. Отец смотрел на это зрелище с такой теплотой и нежностью, что Никите тоже стало хорошо.

– Звезда – Сонькина любимица, – объяснил он. – У меня раньше три охотничьих лайки были, теперь вот одна осталась, да и та старая, охотится уже не может. Обычно я ее на улице держу, конуру хорошую сделал, но Сонька уж сильно ее любит, упрашивает иногда в дом пустить. Детей-то у нас в деревне не очень много, ведь большую семью кормить надо. Вот дочка с собакой, как с человеком и дружит. Недавно вернулся с охоты, а они обе меня на пороге встречают, так Сонька Звезде даже косички заплести умудрилась.

Иван расхохотался, да и Никита, представив пушистую белую собаку с цветными резинками на спине и боках, тоже улыбнулся. Он хотел было спросить, где Сонькина мать, но не решился нарушить то умиротворение, которое овладело Иваном, когда он наблюдал за дочерью.

Никита пожал руку Ивану и направился домой. Парень шел по единственной в деревне улице, озирался по сторонам и разглядывая дома. Давно стемнело, и во всех окнах по-домашнему уютно горел свет, из печных труб шел дымок, в каком-то дворе лаяла собака, где-то открылась дверь и на

крыльцо вышла женщина в тулупе и закурила. С виду ничем не примечательная деревня, каких по всей стране великое множество. За одним единственным исключением: под этими обыкновенными крышами живут древние паразиты, дающие сверхсилу в обмен на свежую кровь. Вдруг на Никиту ударами в самое темя начала нисходить истина: «Бам! – теперь ты тоже носитель паразита! – Бам! – теперь ты вынужден всю жизнь есть сырое мясо! – Бам! – тебе никогда не избавиться от этого! – Бам! – ты останешься здесь навечно».

Последнего удара Никита уже не мог вынести и рванул с места изо всех сил, надеясь, что встречный поток воздуха выветрит из его головы эти страшные выводы. Он надеялся дойти до дома пешком минут за двадцать, но добежал за полминуты и даже не сбил дыхание. Наевшись мяса у гостеприимного хозяина и набравшись сил, паразит продемонстрировал своему носителю, на что тот теперь способен. И Никите это понравилось. У него будто появился новая девайс, и ему не терпелось ее протестировать.

Он забежал в дом, схватил топор и пошел в тайгу. Полчаса – и весь пол в маленьком доме был завален дровами. Осталась лишь узкая тропинка от двери к кровати. «Ну теперь хотя бы о тепле не нужно беспокоиться», – довольно подумал Никита, глядя на свой результат. Но было самое время позаботиться о еде. Идти ночью в тайгу на охоту было не самой лучшей идеей, но другого такого же прилива сил у Никиты не будет до тех пор, пока он не раздобудет себе еды.

Но он не раздобыл. Проторчав в лесу несколько часов, Никита вернулся несолоно хлебавши. Даже за то недолгое время, что он живет здесь, парень понял, что с добычей в округе действительно не очень. К полудню он будет уже не в состоянии охотиться, даже не сможет доковылять до соседа, который обещал поделиться едой, слишком далеко до его дома. На рассвете нужно было идти к Ивану. Остаток ночи Никита просидел возле печки, подбрасывая дрова и наблюдая за пламенем. Адреналин, в избытке вырабатывавшийся при беге и работе топором, стал снижаться, на смену ему пришло ощущение усталости и в сердце медленно стало проникать отчаяние.

Если все, что рассказал ему Иван о невозможности уехать из Горома – правда, значит, жизнь Никиты в этот самый момент встает с ног на голову. И он не сомневался, что все услышанное им вчера вечером является правдой. Паника захлестнула Никиту, он схватился за голову. Он чувствовал себя загнанным в ловушку зверем. Ему отрезали все пути, кроме одного – остаться в Гороме и выживать по-звериному.

Не будет больше привычной квартиры, постели, еды. Не будет работы, рутины. Не будет толп людей, счетов на коммуналку, ответственности за что-то, кроме собственного выживания. Все будет максимально просто, но в тоже время, будет в тысячу раз сложнее, чем когда-либо.

Никита понял, что сейчас раздирающие его противоречия не имеют никакого смысла. Все «за» и «против» можно и

нужно взвешивать, когда речь идет о решении, которое ты принимаешь сам. А сейчас все было иначе. Он ничего не решал, ничего не мог изменить, кроме своего отношения к происходящему. И его сразу успокоила эта мысль. Значит, он останется здесь. Навсегда.

Глава 17. Казнь

Еще на подходе к дому Ивана Никиту стала переполнять тревожность и какое-то невнятное чувство обреченности. Он точно знал, что произойдет что-то плохое, и он не сможет это предотвратить.

Его покидали последние силы, он уже не шел, а едва переставлял ноги. Дышать было трудно, ледяной воздух обжигал легкие. Паразиту было невыносимо на морозе, он бился внутри парня, будто подхлестывал лошадь, чтобы та поскорее дошла до укрытия.

Дом встретил его молчанием и темными окнами. Несмотря на поздний час, хозяина дома не было. Зато у крыльца вилась белоснежная лайка. До Никиты дошло: это именно то, чего он боялся, когда шел сюда. Теперь он в точности знал, что произойдет в следующие минуты.

В чувства его привел детский крик. Никита вскинул взгляд и встретился глазами с ребенком. Сонька жалась к отцу, ее лицо было залито слезами, глаза были распахнуты, в них плескался страх. Иван стоял на широко расставленных ногах, одной рукой пытался оттеснить дочь себе за спину, а пальцы другой были сжаты в кулак так крепко, что побелели костяшки. В отличие от детских глаз, глаза Ивана были наполнены не страхом, а яростью. Почему же он не нападает на Никиту? Не хочет еще сильнее пугать дочь? Но ведь он

не может не отреагировать на то, что видит.

А увидел Иван, как его лайка Звезда, верная спутница в таежных вылазках за дичью, любимица его дочери лежит в луже собственной, темно-алой крови на пороге его дома, а над ней, склонившись, сидит человек и со звериным наслаждением рвет зубами ее печень. Лицо и руки человека перепачканы, глаза стеклянные, его человеческая сущность сейчас загнана в самые дальние уголки сознания, он действует инстинктами, но не своими, а паразита, который живет в нем. Сейчас это и не человек вовсе, а просто безвольная кожаная кукла, которой управляет кровожадная и жестокая древняя тварь. Поэтому Иван не напал на Никиту. Он понимал, что сам парень тут не при чем.

Никита так и сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Молчание прерывалось только детскими всхлипами. Наконец, Иван повернулся к дочери, что-то тихо прошептал ей и легонько подтолкнул в сторону соседнего дома. Девочка поплелась прочь.

Хозяин дома подошел в расprostертому телу собаки, с минуту смотрел на нее молча. Никита так и не решался двигаться, только вращал глазами. Ему казалось, что пока он неподвижен, он остается невидимым, а стоит ему пошевелить хотя бы пальцем, он будет обнаружен, и на него обрушится гнев хозяина. Но тут Иван заговорил, в его голосе не было ни гнева, ни осуждения, только усталость.

– Что, не дотерпел? Невмоготу уже было?

Никита понял, что бить его не собираются, и, сбросив с себя воображаемую маскировку, ответил:

– Не помню, как все случилось. Вроде, вот я захожу в калитку, вижу собаку, потом моргаю, а, открыв глаза, уже вижу вас и это...

Он покосился на труп животного.

Иван молча ушел в дом, а вернулся с мусорным пакетом. Не глядя Никите в глаза, он протянул парню мешок и едва заметно кивнул на собаку. Никита все понял и принялся упаковывать останки. Когда на снегу осталось только алое пятно, он едва слышно сказал:

– Дайте лопату, я сам выкопаю яму.

– Не нужно ничего копать, – глухо ответил Иван, – себе забери. На что она мне теперь? Палку с табличкой я и так воткну в пустую землю.

Хозяин снова ушел в дом, а Никита остался стоять посреди двора, держа в руке черный мусорный пакет. Теперь, когда тварь насосалась и притихла, к нему снова стал возвращаться рассудок, и осознание произошедшего обрушилось на Никиту бетонной плитой.

Вместе с останками собаки он упаковал в него остатки своей человечности. Он стал монстром, убийцей. Конечно, он не отдавал себе отчета в том, что делает, он просто отключился. Но разве это может его оправдать? Разве это может извинить его за то, что Соньке теперь много лет будет сниться ее растерзанная любимая собака?

Когда по телевизору показывали репортаж про очередного психа, который творил дикие вещи, а потом, прикрываясь своей, якобы невменяемостью, просил его оправдать, Никита смотрел и думал: «А, может, и правда, он не виноват? Отключился же, ничего не соображал, ничего не помнил. Что с него взять?». Но после сегодняшнего он точно знал, что никакая отключка, никакое помутнение сознания не может снять с человека ответственности за его преступление. И если бы сейчас его приехали арестовывать за содеянное, набегали репортеры, высыпали из домов соседи, то он бы бился до последнего, кричал бы до хрипоты, что он виновен и что требует для себя высшей меры наказания.

До сегодняшнего дня жизнь Никиты была похожа на идеально гладкий с блестящими боками шар. А теперь он ощутил, как по блестящей поверхности побежали некрасивые трещины, как она потускнела, как местами на ней стало слезать глянцевое покрытие и обнажать какую-то мутно-зеленую субстанцию, находящуюся внутри. Он ощутил всю хрупкость своей человеческой сущности, которая может вот так треснуть и даже совсем развалиться в любой момент. Никите захотелось во что бы то ни стало починить свой шар, заклеить трещины, отполировать поверхность, закрасить проплешины. Ему хотелось сделать что-то такое, что могло бы перечеркнуть произошедшее, исправить его, как досадную двойку в школьном журнале.

Что там обычно делают люди, когда хотят убедить себя и

окружающих, что они хорошие? Сажают деревья? Кормят собак в приютах? Переводят старушек через дорогу? Покупают компьютеры в школы? Тут это все не сработает. Но не потому, что здесь полно деревьев, собаки все домашние, а старушки ходят сами. Просто все это не сможет уравновесить весы, на одной чаше которых лежат отнятая жизнь и детский испуг. Хоть всю планету засади зеленью, время вспять уже не повернешь. Что произошло, того не отменить, и единственным способом казнить себя для Никиты было – жить с осознанием содеянного. Палачом, который станет ежедневно приводить приговор в исполнение, будет взгляд Соньки. С ним Никита научиться просыпаться, засыпать, жить. Даже спустя годы, когда острота вины естественным образом притупится, он будет насильно вспоминать глаза маленькой девочки, наполненные ужасом, горем и болью. Он сам назначил себе такое наказание, а значит, не сможет пойти на попятную.

Никита не знал, сколько он уже стоит во дворе Ивана с черным пакетом в руках. Окна в доме не горели, у соседей тоже. Возможно, была уже глубокая ночь. Нужно было возвращаться к себе.

Каждый шаг давался парню с невероятной тяжестью. Ему казалось, что до своего дома, стоящего в пятистах метрах от деревни, он дойдет только рассвету. Наконец, он увидел свое зимовье. Из трубы уютно шел дым, в окнах тускло горел свет, с неба тихо сыпался снег, вокруг царило спокойствие и

тишина. В доме была Александра.

Вся окружающая Никиту идиллия никак не вязалась с руинами в его душе, и от этого ему становилось еще горше. Ему казалось, что он все портит своим присутствием, пачкает собой все кругом, а особенно Александру. Хотя, в то же время, он понимал, что она – единственный человек, способный ему сейчас помочь. Он не знал, чем, но был уверен, она сама все поймет, сама все сделает.

Он положил плотно завязанный пакет у порога, прикопал его снегом, чтобы не добрались звери, и толкнул дверь. Треск дров в печи, неяркий, но приятно обволакивающий свет от огарков на столе, примостившаяся у печи Александра сделали, пустовавший долгое время домишко, настоящим раем. Но от всего этого тепла и уюта на душе у Никиты становилось только тяжелее.

Он молча подошел к Александре, сел на пол и положил голову к ней на колени. Она стала гладить его своей теплой рукой, приговаривая:

– Полноте, омологи, все пройдет.

Никита чувствовал, как все его лицо заливают горячие слезы, но не мог их остановить.

– Сегодня, – начал было он, но женщина прервала его.

– Молчи, – мягко, но настойчиво сказала она. – Все знаю, не рассказывай.

– Знаете и не презираете меня? – поднял мокрое лицо Никита. – Вы не ненавидите меня? Не считаете меня монстром?

Вам не противно сидеть со мной рядом?

– Нет, – пожала она плечами, – ты сам себя ненавидишь и считаешь монстром, зачем мне еще сверху добавлять? Ты сам себя казнишь, омонги. А эта самая суровая казнь, но самая справедливая.

Глава 18. Новенький

Они сидели долго, до самого рассвета. Молчали, слушали, как воет ветер за окном и трещат дрова в печи. Присутствие Александры, ее теплые руки действовали на Никиту как успокоительное. Постепенно слезы высохли, мысли пришли в порядок, сердце восстановило обычный ритм. Но Никита по-прежнему сидел у ног женщины, боялся пошевелиться, спугнуть ее. Ему казалось, что если она уйдет, то весь недавний кошмар возобновится.

Когда стало светать, он все же поднялся на ноги и спросил, не хочет ли она прилечь, ведь всю ночь она не сомкнула глаз.

– Нет, спать мне некогда, – ответила Александра, кутаясь потеплее в шаль, – скоро нужно открывать магазин. Я пойду, а ты поспи.

Когда она уже стояла в дверях, Никита спросил ее:

– Откуда вы узнали, что произошло?

Женщина долго и внимательно посмотрела на парня, наконец, сказала:

– Ты же не первый, омологи. И уж поверь, тебе повезло, что попалась собака. Другие живут с историями пострашнее.

Не попрощавшись, она вышла, оставив Никиту наедине с догадками о том, с чем пришлось столкнуться другим носителям.

События прошедшего дня и бессонная ночь высосали из

парня все силы. Он доплелся до кровати, рухнул на нее как подкошенный и тут же провалился в сон.

Ему снилось заснеженное поле без единого куста или дерева. Никита со всех ног бежал по нему, будто кто-то гнался за ним. Чтобы не споткнуться, приходилось смотреть под ноги, и вдруг Никита понял, что бежит не по снегу, а по шкуре с длинным белым мехом, простирающейся до самого горизонта. Потом по пути ему стали попадаться алые пятнышки, они становились все больше, превращались в лужи. Подняв глаза, Никита увидел, что бежит вдоль берега озера или пруда. Вода в нем ярко-красная. Посреди водоема что-то возвышалось, но на бегу невозможно было разглядеть. Тогда парень остановится и напряг свое зрение, вгляделся. В ту же секунду он каждой клеточкой своей кожи почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он резко обернулся и увидел два огромных глаза во все небо. Он узнал их, это были Сонькины глаза. Ему стало невообразимо страшно, захотелось спрятаться от этого взгляда. Никита хотел бежать, но ноги не двигались, он завяз в чем-то густом, будто в гудроне. Парень стоял по колено в крови, посреди водоема и не мог никуда спрятаться от Сонькиных глаз. Осознав, что находится в ловушке и сбежать из нее невозможно, Никита попытался закричать, но из разинутого рта не вылетало ни звука. Он стал метаться в попытках вытащить увязшие ноги, не выходило. Обессиленный, он стал падать, как в замедленной съемке. Подняв глаза к небу, он увидел, что оно похоже на дощатый пол.

А еще оно дрожало, как от ударов. Дрожь сопровождалась странным ритмичным громом. Кто-то, огромный и невидимый, определенно стучался с той стороны в небо. Вдруг в небе распахнулась дверь, из нее протянулась рука, схватила Никиту и вытащила его.

Он проснулся и обнаружил, что его держит за грудки и трясет какой-то бородатый мужик, от которого невыносимо несет самогоном. В комнате были еще двое, никого из гостей Никита не видел раньше. Он еще не совсем проснулся и не понимал ни слова из того, что орал ему бородатый, все звуки доносились до него словно через вату.

Один из троих непрошенных гостей, приземистый лысый мужичок в камуфляжном бушлате, попытался утихомирить бородатого и оттащить его от Никиты. Тот, наконец, разжал кулаки, и Никита, как куль с картошкой, упал на кровать.

Ему понадобилась еще минута, чтобы окончательно сбросить с себя морок сна.

– Мужики, вы кто такие? – хрипло спросил он, – чего вам тут надо?

Бородатый снова было ринулся к парню, но лысый повис у него на руке и не дал сдвинуться с места. Третий же безучастно стоял в дверях, поигрывая перочинным ножом.

– Это ты кто такой, мразь?! – взревел бородатый, все еще вырываясь из хватки лысого. – ты за каким хреном сюда приперся?! Да еще и творишь такое!

До Никиты дошло, в чем его обвиняют. Они пришли чи-

нить над ним самосуд за то, что он сделал с собакой. Парень не знал, как вести себя в такой ситуации. Никита ни разу в своей жизни не дрался, он вообще не любил конфликты, старался всеми силами их избегать. Оправдываться и молить о прощении бесполезно, да он и не стал бы, прекрасно осознавая тяжесть своего поступка. Дерзить им тоже страшно, прихлопнут прямо тут. Успокаивать разъяренного мужика – все равно, что махать красной тряпкой перед быком, только еще больше разозлишь. Оставалось одно – признаться, рассказать все как есть. Александра говорила, что он не первый, кто натворил бед после того, как в нем поселился паразит. Может, кто-то из этих мужиков тоже пережил такое, или даже хуже.

– Мне дико стыдно за то, что я вчера сделал, но я собой вчера не управлял, – начала Никита.

– Бухой что ли был? – спросил третий, стоявший у двери гость. Его голос был таким низкий и сиплым, что парень даже не сразу разобрал услышанное.

– Нет, – потупился Никита, – но потерял над собой контроль. Вообще не помню, как все случилось, Последнее, что видел, собаку во дворе, а потом уже хозяин с дочкой пришли, и девочка закричала. Я тогда пришел в себя.

Бородатый немного остыл, но все еще пытался изредка дергаться в медвежьей хватке лысого. Он снова повысил голос:

– Да если бы ты знал, как ты дитё напугал! Меня дома

не было, а потом, когда пришел, жена все и рассказала, как Сонька зарёванная и икающая к нам прибежала, как двух слов связать не могла, как плакала навзрыд полночи. Да ей же теперь по ночам кошмары сниться будут! Она же теперь умом тронется!

Чем больше бородатый вспоминал девочку, тем сильнее распалялся. Он снова был готов ринуться на Никиту, но тут к ним поближе подошел сиплый, сел на корточки у кровати, наклонил голову на бок и начал медленно сантиметр за сантиметром рассматривать Никиту. Его колючий и неласковый взгляд забирался парню в самое нутро, и это было не фигурально. Никита буквально чувствовал, как все его внутренности зашевелились в нем. Или, это был паразит? Закончив сканирование, сиплый ухмыльнулся и произнес:

– Да он наш, мужики.

Двое других застыли, смотря на Никиту во все глаза. Никита тоже ощутил что-то странное, будто он знает этих троих очень давно, и все они – старые добрые друзья. Ярость и страх, наполнявшие комнату до этого момента, исчезли.

– Стало быть, ты вместо деда Самойлыча теперь? – спросил лысый.

Никита только кивнул.

– Так это ж совсем другой разговор тогда, – уже спокойно сказал бородатый, стряхивая с себя лысого в камуфляже. – Будем знакомы, меня Серёгой зовут.

Серёга протянул парню здоровенную грубую ладонь. В

ней Никитина смотрелась спичечным коробком.

– Степан, – тоже протянул для приветствия руку лысый.

Это двое теперь казались добродушными и веселыми, а вот третий, несмотря на признание Никиты своим, выглядел настороженно. Будто еще до конца не решив, как относиться к новичку, он все же представился, но руки не протянул:

– Штырь.

Он действительно был похож на штырь или на кусок арматуры: высокий, тощий, но в нем чувствовалась сила.

– Ну рассказывай, малец, – по-свойски и даже развязно сказал ему Серёга, – какими судьбами ты тут оказался? Откуда сам?

Глава 19. Шаманка

Никита в нескольких общих фразах рассказал историю своих последних дней. Гости слушали, не перебивая.

Когда он закончил, Степан провел рукой по лысой макушке и протянул:

– Да, дела. Но ты не кисни, у нас тут не жизнь, а сказка. Воздух чистый, тихо, все свои...

– И жрать нечего, – проворчал Серёга, – и так зверье извелось все, так еще и одним ртом теперь больше стало. Говорю я вам, мужики, долго мы тут не протянем...

– А че ты ноешь-то, Серёга? – с вызовом обратился к нему Штырь, – или ты только ныть-то и мастак? Ноги в руки, и вали на все четыре стороны.

– Угомонись, Штырь, – Степан посмотрел на него исподлобья, – раз ты такой борзый, то давай, сам отсюда иди. Поглядим, как далеко уйдешь.

Все трое с недоверием и опаской посмотрели на Никиту, будто сболтнули при нем что-то такое, о чем он не должен знать. Но тот пожал плечами и сказал:

– Я в курсе, как все устроено. Мне Иван рассказал.

– И что ты об этом думаешь? – спросил его Серёга.

Никита не понял, что именно от него хочет Серёга: узнать его мнение насчет того, как все устроено, или насчет нехватки еды и невозможности уйти из деревни. На всякий случай

он неопределенно пожал плечами.

– Валить отсюда надо, – сказал Штырь, прохаживаясь по комнате, – иначе передохнем тут с голода.

– И как же ты отсюда свалишь? – язвительно поинтересовался Степан. – Она ж тебя не отпустит.

– Заставим ведьму, – мрачно ответил Штырь.

– Ишь ты, заставит он, – с усмешкой отозвался Серёга. – Столько лет никто заставить не мог, а тебя она возьмет и послушается...

– Я способы знаю, на зоне всякому учили, – тоже ухмыльнулся Штырь, доставая из кармана перочинный нож.

– Но-но-но, – вскочил на ноги Степан, – угомонись, браток. Никого калечить мы не будем.

Тут Никита напрягся.

– Кого калечить?

Все трое посмотрели на него с таким недоумением, будто он просил, сколько будет дважды два. Гости многозначительно переглянулись, но отвечать никто не стал.

– Забей, – буркнул Штырь, – пойдем мы, засиделись.

Мужики, не попрощавшись, направились к выходу. Никита встал было, чтобы их проводить, но Штырь сделал жест рукой, мол, сиди, и Никита остался.

Когда дверь закрылась, в доме воцарилась звенящая тишина. Но в голове у Никиты стал раздаваться хор беспорядочных голосов, выкрикивающих вопросы: «Кого они собрались убивать?», «Кто и как может помешать им уехать из де-

ревни?», «Значит, все-таки можно отсюда уехать?».

Он стиснул виски руками, пытаясь унять рой вопросов, но это не помогало. Ему необходим был глоток свежего воздуха. Он выскочил на улицу в одном свитере, носках и без шапки. Мороз тут же заковал его в свои ледяные объятия, проникая под одежду, под кожу, в самое нутро. Но Никите не было холодно, напротив, ему казалось, что ледяной воздух вытравливает из него все беспокойство и кишасшие в голове вопросы, будто дезинсектор, он очищает его. Наполнившись морозным спокойствием, Никита хотел вернуться в дом, но, повернувшись к двери, увидел лежащий у самого порога черный пакет.

Воспоминания о вчерашнем снова всколыхнулись внутри, отдавая тошнотой. Но в тоже время парень понимал, что столько мяса нельзя оставлять просто так лежать. Неизвестно, когда тайга смилостивится над ними и пошлет затворникам Горомы дичь. Поэтому нужно было сделать какие-никакие запасы. Никита затащил мешок в дом и принялся разделять его содержимое. Теперь у него будет пропитание хотя бы на пару дней.

К вечеру парень решил заглянуть к Александре. Несмотря на обилие новых знакомств, свалившихся на него за последние сутки, она по-прежнему оставалась для него единственной, с кем ему хотелось говорить. А еще в глубине души у него теплилась надежда, что она сможет объяснить ему то, что происходит вокруг, ведь она живет в Гороме всю жизнь,

она много знает об этих местах, может быть, ей известно что-нибудь о человеке, который не отпускает носителей паразита.

В окнах ее дома уютно горел свет, из печной трубы вился едва заметный дымок, пахло свежим хлебом. Если бы у Никиты спросили, что для него рай, то он вспомнил бы именно этот дом, этот запах, эту женщину. Он стоял на пороге ее дома в нерешительности. Ему важно было определиться, для чего он так стремится к ней. Он признался самому себе, что влюблен, но это этого признания ему не становилось легче. Он хотел быть с ней, но не знал, как. И не был уверен, что это вообще возможно. Только в одном он не сомневался: как только она откроет ему дверь, и он увидит ее седые, уложенные в аккуратный узел, волосы, глаза цвета тайги, услышит ее мягкий с хрипотцой голос, то в его, изможденной переживаниями, душе снова наступит мир.

Но в дверь он не постучал. В окне мелькнула тень, послышались шаги, чей-то мужской голос. Слов невозможно было разобрать, но по интонации было понятно, что говорящий угрожает. Александра отвечала мужчине спокойно, но тот все больше распалялся, он стал повышать голос, слышались слова, похожие на маты. Никита напрягся, готовый ворваться в дом и утихомирить хама. Александра снова тихо что-то ответила, и вдруг раздался грохот и звон. Собираясь выломать дверь, Никита всем весом навалился на нее, но она оказалась не запрета. Он неловко ввалился в комнату, чуть

не упал, увидел опрокинутый стол, разбитую посуду, разбросанный по полу хлеб. Рядом с Александрой стоял Штырь. Его кулаки были сжаты, глаза налиты кровью, нижняя челюсть ходила из стороны в сторону. Женщина была ниже его почти на две головы, но смотрела на него сверху вниз, и во взгляде ее читалось презрение к этому человеку.

Они оба отвлеклись на мгновение на Никиту, но потом снова повернулись друг к другу, однако Штырь уже растерял весь свой заряд ярости. Он покосился на опрокинутый стол, сплюнул и пошел к выходу.

– Я тебя предупредил, Сашка, – обернулся он на самом пороге.

Штырь громко хлопнул дверью. Никита порывисто подошел к женщине, взял ее за плечи, слегка сдавил.

– Ты в порядке? Он тебя обидел?

– Нет, не посмел бы, – она повела плечами, освобождаясь от Никитиных рук. – Штырь только кулаками потрясать горазд, да столы опрокидывать.

Она тоскливо посмотрела на разбросанные по полу буханки свежего хлеба. Их было не меньше двух десятков, а теперь все они были испорчены и не годились на продажу.

– Подонок, – вздохнула она и принялась собирать буханки в мусорный пакет. – Целый день работы коту под хвост одним движением.

– Я его заставлю заплатить, – Никита ощущал, как его самого наполняет ярость.

– Попустись, – махнула рукой женщина, – ты думаешь, что он мне заплатит за двадцать булок? Да откуда у него деньги? Сам вечно впроголодь живет, сигареты в долг у меня берет. Нечего с него взять.

– Но ведь так тоже нельзя, – не унимался Никита, – сегодня он стол опрокинул, а завтра весь дом разнесет или тебя ударит.

– А ты чего, омологи, защитником моим быть собрался? – она покосилась на него с издевкой.

Никита замялся. Издевка в ее голосе задевала его, он решил промолчать и опустился рядом с ней на корточки, принялся подбирать осколки посуды. Молча они убрали весь беспорядок.

Никита не осмеливался завести разговор, боялся, что в ответ снова услышит что-нибудь язвительное. Но Александра начала сама.

– Что тебе рассказал вчера Иван?

Никита коротко пересказал услышанное. Александра слушала, не перебивая, разглядывая поверхность деревянного стола.

– А потом к тебе пришли Штырь, Серёга и Степан и сказали, что есть какая-то ведьма, которая тут всех держит и не выпускает, да?

Никита кивнул. Не стал спрашивать, откуда она узнала о его гостях.

– А кто эта ведьма, ты не знаешь? – в ее голосе звучала

насмешка.

– Нет, я пытался спросить, но они не ответили.

– А ты у меня спроси, омологи, – сказала она с еще большей язвительностью и даже вызовом.

Никита только поднял на нее глаза и тут же все понял.

– Ты...

Он вздрогнул от ее неожиданного и заливистого смеха.

– Я, омологи, потомок того самого шамана, который велел изловить кольцовских казаков и привести сюда. Именно тут раньше старое капище было, тут он их и держал. Не придумав, как паразита вытравить, старик решил хотя бы изолировать их от остального мира. И сделал себя эдакой печатью, которая не дает носителям уехать из Горома. Так что, никуда они, голубчики, отсюда не денутся, покуда я жива.

Она с довольным видом облокотилась на стол, и Никите стоило большого труда не пялиться в ее декольте.

Тут он вспомнил перочинный нож в руках Штыря, и его обдало жаром.

– Он приходил сюда, чтобы угрожать тебе и заставить отпустить всех, – сказал Никита тихо.

– Да, – веселость в голосе женщины сразу пропала. – Выпендривался тут передо мной. «Порежу, – говорил, – и сожру. Представляешь, сколько силы во мне станет, когда я съем шаманку».

Кровь стучала у Никиты в висках, его переполняло бешенство. Он представил, как врывается в дом в тот момент,

когда чертов уголовник произносит эти слова, как берет его за шиворот и выбрасывает с крыльца. Но в действительности с крыльца полетел бы сам Никита, со Штырем ему было бы трудно тягаться.

Александра же, напротив, выглядела совершенно спокойной. Это была не первая в ее жизни подобная угроза. Не то, чтобы она к ним привыкла, но никто еще не осмеливался перейти от слов к делу, да и постоять за себя она умела. Ружье, стоявшее в углу у кровати, служило ей не только для охоты, но и для острастки таких, как Штырь.

Никита взглянул на женщину и явственно ощутил ее силу и твердость. Он знал, что пока она жива, она не даст себя сломить и не выпустит паразитов из Горома. Пока она жива...

Глава 20. Признание

– Как ты держишь их здесь столько лет? – спросил Никита. – Неужели за все эти годы никто не пытался сбежать?

– Пытались, – усмехнулась женщина, – еще как пытались, на моей памяти раз пять. Но предок мой постарался. Накрыл Гором и три километра вокруг него куполом.

При упоминании о куполе Никиту бросило в жар, ведь именно таким был его сон, который он видел по дороге в деревню: купол посреди тайги, и он, не способный из него выбраться.

– Как это, накрыл? – спросил он едва слышно.

Александра поставила в центр стола кружку, а на расстоянии от нее по окружности разложила ягоды можжевельника.

– Представь, что кружка – это Гором, а ягоды – амулеты, которые шаман закопал в лесу, когда решил оставить кольцовских казаков здесь. Они и создают барьер, который как купол накрывает это место и не дает носителям отсюда уйти. Стоит кому-нибудь из них попытаться пересечь этот барьер, и его отбрасывает назад, будто током бьет.

– Но ты сказала, что шаман был печатью, и, пока ты жива, никто из носителей отсюда не уйдет.

– Все верно. Пока шаман, точнее, его потомок сам находится под куполом, эта система работает. У всех людей в

мире, омологи, если своя о-ми². Так тунгусы называют душу, но на самом деле это что-то вроде энергии, которая исходит от каждого человека. У кого-то о-ми сильная, она способна подпитывать других, иногда даже подчинять себе. У всех шаманов сильная о-ми, у меня тоже. А у кого-то, например, у таких как Штырь, она хилая и гнилая. Им для поддержания своей жизни нужно из других людей ее вытягивать.

– Энергетический вампиризм, – с важным видом вставил Никита.

– Да, что-то в этом роде. Так вот, без сильной о-ми амулеты работать не будут. Я для них как батарейка для фонарика. Поэтому пока я здесь, никто из носителей не пересечет барьер.

Никита лишь кивнул, все было предельно ясно.

Дальше разговор не клеился. Оба сидели, погруженные в свои мысли, и слушали вой ветра за окном. К вечеру погода совсем испортилась. Метель крепчала, наметая по-настоящему непроходимые сугробы. Чем дольше Никита сидел у Александры, тем меньше становился шанс, что он сможет сегодня вернуться к себе. Но он не торопился уйти, а Александра его не прогоняла.

Она смотрела в кружку с остатками чая, вода ней изящным тонким пальцем. Никита никогда прежде не обращал внимания на ее руки, а сейчас они удивили его. Женщина, всю жизнь живущая в деревенском доме одна, сама заготов-

² (эвен.) душа

ливающая дрова, добывающая дичь, содержащая магазин, обладала такими красивыми и нежными руками. «Наверное, это все ее травы», – подумал Никита, – благодаря им у нее такая кожа».

Александра будто прочитала его мысли, кокетливо посмотрела на него снизу-вверх и улыбнулась.

– О чем думаешь, о молги? – спросила она.

И снова ее мягкий голос подействовал на парня гипнотически, лишив его способности скрывать свои мысли. Он ощутил тепло, идущее от нее, и наполняющее все кругом, даже самого Никиту. Его мозг словно расслабился, а язык развязался.

– Думаю о твоих руках, – ответил он, и стал подниматься взглядом от кружки вверх, – и о том, как хочу к ним прикоснуться.

Она оставила кружку, взяла его ладонь в свою, провела по ней кончиками пальцев. Никита сидел, будто парализованный, мог шевелить только глазами. Он поднял взгляд на женщину, она тоже смотрела на него. Он силился заглянуть в ее душу сквозь огромные зрачки, понять, о чем она думает, но у него это не получалось. Зато она, казалось, видит его насквозь.

– Смятение, – начала она своим мягким вибрирующим голосом, – любопытство, страх, желание... Сколько всякого тебя переполняет, а ты и не знаешь, как это выразить. А выразить надо, о молги, иначе оно тебя затопит. Расскажи мне,

что тебя гнетет? Что тебе хочется узнать? Что сделать? Я же вижу по глазам, что внутри у тебя буря посильнее, чем сейчас за окном. Ты говори, говори, мой хороший, рассказывай.

Никита, не открываясь, смотрел на нее и чувствовал, как все его существо, собранное до этого момента в комок, расслабляется, успокаивается. Мысли больше не были хаотичными и тревожными, они пришли в порядок. Вопросов по-прежнему было много, но они больше не казались неразрешимыми. Он чувствовал, что, если он сейчас произнесет их вслух, то и ответы найдутся мгновенно. Еще он понимал, что она каким-то образом завладела его сознанием, заставила его открыться, но он не мог этому сопротивляться, да и не хотел.

– Ты права, я в смятении, – ответил он, – и мне страшно. Я не знаю, что делать дальше. Мне нелегко далась мысль, что я останусь тут навсегда. Это было трудно, даже мучительно. Но как только я принял то, что отсюда нет выхода, и успокоился, оказалось, что выход-то, все-таки есть. Снова забрезжила надежда вернуться к привычной жизни, чтобы опять все стало понятно, стабильно, просто, безопасно. Снова внутри все взбунтовалось. Я решил, что выберусь отсюда любой ценой. Даже, когда Штырь сказал про убийство, меня это не испугало. Понимаешь? Я впервые в жизни был готов убить кого-то ради достижения собственной цели. Разве это не дико?

Потом снова все с ног на голову: я узнал, что только ты

можешь помешать мне уйти отсюда. Выходит, еще час назад я внутренне был готов убить тебя, если потребуется, а сейчас я сижу тут, ты держишь меня за руку, и я спокоен и счастлив, как не был никогда. И сейчас уже никакие блага внешнего мира не заставят меня пожертвовать тобой. Я не могу лишиться любимого человека, даже если это будет стоить мне пожизненного затворничества здесь.

«Вот оно, – подумал про себя Никита, – я только что сказал, что люблю ее. Но поняла ли она, что это было признание? Что она ответит?».

Он внимательно взгляделся в лицо Александры, но на нем не отразилось никаких эмоций.

На мгновение его поразила страшная мысль: что, если для женщины, ради которой он готов откреститься от своей прежней, такой понятной, комфортной и простой жизни, он сам не значит ничего? Что с ним станет тогда?

В голову Никите пришла до пошлости банальная, но как нельзя лучше, подходящая сейчас аллегория на его жизнь – казино. Он пошел ва-банк, поставив всю свою жизнь, со всеми ее целями, смыслами, желаниями на то, что Александра тоже любит его. И, если сейчас она ответит ему взаимностью, то он станет сказочно богат, и не только заберет себе все свое, но и приобретет несравнимо больше. Ну, а если нет, тогда он – банкрот. У него не останется ничего, кроме свободы выбора, как он хочет умереть.

Никита почувствовал, что в этот самый момент решает-

ся его судьба. Его захлестнула адреналиновая волна. Он изо всех сил вглядывался в лицо Александры, стараясь различить малейшие перемены. Он не ощущал течения время, оно или замедлилось, или вообще перестало существовать.

Лицо Александры оставалось непроницаемым. Она поднялась со стула, а Никитино сердце ухнуло вниз.

«Ничего», – вот единственное слово, пришедшее к нему в этот момент. Ставка не сыграла. Конец. Он сидел в полном оцепенении, даже не моргал. Он не видел, куда направилась Александра, она просто исчезла из поля его зрения. Да это было и не важно. Уже ничего не могло быть важно. Никита ясно увидел себя со стороны, направляющегося в ночную таёжную чащу. Он знал, что идет туда, чтобы сесть под каким-нибудь деревом и замерзнуть насмерть, он явственно ощутил холод.

Вдруг на его плечи легли теплые руки. Он вздрогнул от неожиданности. Видение заснеженной темной тайги исчезло.

Александра поцеловала его в макушку и сказала ласково: – Ох, аявдери³, кто же так женщине в любви признается?

Он резко обернулся и выпалил:

– Боялся сказать по-другому. Теперь не боюсь. Можно еще раз попробовать?

– Попробуй.

Никита вскочил на ноги, взял ее руку в свои ладони и ска-

³ (эвен.) любимый

зал:

– Я люблю тебя и не хочу потерять.

Александра наклонила голову, провела кончиками пальцев по его лицу и ответила едва слышно:

– Я тоже люблю тебя. И ты меня не потеряешь.

Глава 21. Угроза

Никиту разбудил звон чашек. Он открыл глаза и первое, что увидел – невысокую и такую ладную фигуру Александры. На ней была длинная льняная сорочка почти до пят, шаль, спадающая с одного плеча. Волосы, собранные в косу, растрепались ото сна. Она стояла на цыпочках и доставала из шкафа чашки. Никита изо всех сил старался запечатлеть это мгновение в памяти во всех мельчайших подробностях. Впервые за последние годы ему было действительно хорошо.

Он вспомнил события вчерашнего вечера и почувствовал разливающееся по телу тепло. Его признание, ее ответ, их объятия, ее губы, его попытка подхватить ее на руки и унести на кровать, ее мягкое сопротивление, которое он не мог игнорировать. Она ответила взаимностью на его признание, но не дала неограниченного доступа к себе, и в какой-то момент Никита даже устыдился своей напористости. Ведь за признанием в любви не обязательно сразу должна наступать интимная близость. Намного приятнее, когда наступает близость душевная. Тогда ты понимаешь, что у тебя теперь есть человек, который значит для тебя так же много, как ты сам, или еще больше.

Александра достала чашки и блюдца, поставила их на стол и обернулась к Никите. Она улыбнулась ему так мягко и с такой искренней радостью, что он ту же расплылся в ответной

улыбке, вскочил с постели подхватил ее и начал кружить. Она смеялась, просила опустить ее, называла его сумасшедшим, а он упивался этим моментом.

Когда они пили чай, Никита спросил:

– Раньше ты меня «омолги» называла, а вчера сказал что-то другое. Что?

– «Омолги» – это у тунгусов «молодой человек». А «аявдери» – это «любимый».

Никита расплылся в улыбке. Ему еще никогда не доводилось слышать в свой адрес такие слова, и тем более на тунгусском.

Он не мог провести у Александры весь день. Ей пора было открывать магазин, а ему – возвращаться домой и решать вопрос с запасами еды. Парень вышел на улицу, когда горизонт только начала розоветь от первых солнечных лучей. Все вокруг казалось ему волшебным и нереальным, будто происходящим не с ним. Его радовал мороз, хруст свежего снега под ногами, высокие сугробы, которые намело за ночь. В некоторых домах уже зажигали свет. Гором постепенно просыпался.

Погруженный в свои радостные мысли, Никита не заметил человека, сидящего на крыльце, поэтому вздрогнул, когда тот его окликнул. Это был Штырь. Он курил и шурился от табачного дыма, недобро смотря на Никиту. Парень хотел было просто пройти мимо, ему так хотелось сохранить свое эйфорическое состояние. Но внутри у него заворочалась тре-

вога, и что-то подсказывало ему, что игнорировать Штыря опасно. Он нехотя подошел в курящему, стараясь придать своему лицу самое спокойное и непроницаемое выражение.

– Так ты, значит, вот с каких карт зайти решил, – ухмыльнулся уголовник. – Нормально так. Я бы и сам мог, только вот она меня к себе не подпускает. Непрístupную из себя корчит. А на тебя повелась, на зеленого-то.

В словах Штыря явно сквозила издевка, Никиту так и подмывало ответить на них чем-нибудь таким же едким и поставить мерзавца на место. Но открыто конфликтовать с такими как Штырь было просто опасно для жизни, и парень это понимал.

– Ублажил барышню? – продолжал распалать его уголовник. – Всю ночь, поди, кувыркались?

Никита отвернулся в сторону, чтобы не было видно, как его лицо заливают краска. Но покраснел он не от стыда, а от ярости. Убеждать Штыря в том, что ничего не было, было бесполезно, он с удвоенным энтузиазмом продолжит провоцировать. Грубо одернуть тоже не выйдет. Чтобы Никита ни сказал, результата это не даст, только ухудшит его положение. Оставалось только дать втянуть себя в разговор.

– Чего тебе надо? – парень изо всех сил старался придать твердость своему голосу.

Штырь сделал затяжку, прищурившись, не спеша выдохнул клуб дыма.

– Убеди кралю свою, чтобы она нас отпустила. По-хоро-

шему попробуй. А не выйдет, будет по-плохому.

Посчитав свои инструкции исчерпывающими, уголовник поднялся и вернулся в дом, не попрощавшись.

Никите стало невыносимо мерзко. Кто-то посторонний, и тем более такая сволочь как Штырь, сунул свой нос в их с Александрой жизнь, будто испачкал ее, заговорив об их отношениях. Невыносимо хотелось ворваться в дом к этому негодяю, приложить его мордой об стол, чтобы тот заверещал, прося пощады, и под страхом смерти запретить даже думать об Александре. Но Никита понимал, что даже не сможет сказать Штырю ничего против. Не потому, что боится его, а потому, что никакими словами эту гниду было не вразумить и невозможно поставить на место.

Штырь был чистой воды уткой, с костлявыми, синими от наколок руками, бритым черепом и постоянной презрительной яростью в глазах, какая бывает у загнанных зверей. Он жил по своим бандитским принципам и правилам. Он появился в Гороме лет тридцать назад, когда сбежал из колонии для малолетних, пришел к деревне и в лесу убил одного из местных мужиков. Паразит переселился в него. Деревенские быстро узнали о том, кто их новый сосед, но прогнать его не могли, пришлось смириться. Долгое время Штырь старался держаться в стороне от остальных, но, когда стали возникать трудности с пропитанием, стал подступаться к местным. Теперь он считал себя чуть ли не основателем освободительного движения, ходил из дома в дом, шептался с му-

жиками, строил планы побега. Но никто полностью не разделял его стремлений бежать. У всех в Гороме были свои дома, семьи, люди жили здесь много лет и даже, если бы могли, вряд ли бы уехали. Но Штыря не держало здесь ничего, кроме сил Александры.

Никита чувствовал, что от Штыря исходит реальная угроза. Ему ничего не будет стоить подкараулить Александру, когда та вечером куда-нибудь пойдет, затащить ее в лес и там убить. Это будет похоже на обычное нападение животного, никто не будет разбираться. Никиту передернуло от этой мысли. Он хотел было вернуться в магазин, но переборол себя. Александра – умная и самостоятельная женщина, она не даст себя в обиду, а если Никита будет пытаться опекать ее, то может сделать только хуже. Предупредить он ее, конечно, должен, и сделает это сразу, как только решит свои проблемы с пропитанием. До вечера Штырь все равно ничего не сделает.

День выдался на редкость удачным. Дома Никита вдруг вспомнил о силках, поставленных в тайге Александрой. Не теша себя большими надеждами, он пошел в лес, на этот раз оставляя насечки на деревьях, чтобы не заплутать на обратном пути. Увидев крупного пушистого зверя, попавшегося в ловушку, Никита приободрился. Теперь ему несколько дней не придется заботиться о еде.

Вернувшись в дом, Никита решил привести себя в порядок. Все же, ему очень хотелось производить на женщину

благоприятное впечатление. Он забыл, когда последний раз принимал душ, и нужно было срочно исправлять положение. Вода, есть, чайник есть, какая-никакая плочка есть, гигиенический минимум вполне можно соблюсти, но такого экстраемального умывания парень никогда не пробовал. Он все же помылся, насколько это позволила обстановка, и полез в рюкзак за сменными вещами.

Открыв сумку, он замер. Его кольнуло острое чувство невыполненного обязательства. При виде ноутбука Никита впервые за все эти долгие дни вспомнил о работе, но уже в следующее мгновение с неожиданной для себя легкостью отбросил эти воспоминания. Никакая работа, незаконченные проекты, отчеты не имели сейчас для него значения. Его вообще, скорее всего, уже уволили заочно, ведь десять дней, данные шефом на поездку за наследством, уже давно истекли. До него не смогли дозвониться, искать тоже не стали, решили просто уволить. «Тем лучше, – подумал Никита и почувствовал облегчение. – Даже, если бы меня разыскивали и ждали в Москве, я бы не вернулся туда. Не смог бы. Или не захотел бы. Неважно. Как там в книгах пишут? Жизнь разделилась на «до» и «после». Странное получилось «после», но, вроде бы, ничего так».

Он убрал ноутбук на дно рюкзака, переоделся и стал ходить по комнате. За окном уже стемнело, но сколько именно было времени, Никита не знал. Ему хотелось, как можно скорее прийти к Александре, но нужно было дождаться закры-

тия магазина, чтобы не столкнуться там ни с кем из деревенских. Парень сам себе не мог объяснить, почему ему хочется держать их связь в тайне от остальных. Новенький, да еще и зачистивший к Александре, обязательно станет поводом для сплетен. Люди станут перемывать кости ему и его женщине, станут обсуждать, что между ними происходит, придумывать себе грязные подробности. Нет, не нужно давать им повода для этого.

Но был еще один довод в пользу того, чтобы избегать встречаться с остальными горомчанами. Никита долго откладывал его подальше, не хотел воспринимать всерьез, убеждал себя, что это чушь, но обдумать этот довод все же пришлось. Беспокойство из-за разницы в их с Александрой возрасте свербело и покалывало у Никиты в душе, как маленькая заноза. Она была старше его лет на пятнадцать, хотя он не знал наверняка, сколько ей лет. Пришло время поговорить самому с собой на чистоту. «Ладно, – сказал он про себя, настраиваясь на неприятный монолог. – Давай сначала признаем, что она старше, и намного старше. Это плохо? Она ведь хороша собой, умна, самостоятельна. Откинуть возраст, и, пожалуйста, она была бы идеальной. Но его никуда не уберешь. Ну и что в этом такого? Что местные будут посмеиваться и говорить, что у меня эдипов комплекс? Да они даже не знают, что это такое! А сплетни пресечь невозможно. Обсуждать будут всегда и всех. Так не пойти ли им тогда всем к черту со своими сплетнями? Пускай перемоют

кости нам обоим. Рано или поздно им эта тема надоест, и нас оставят в покое».

После такого рассуждения ему стало спокойнее, но заноза все еще слегка покалывала где-то в глубине души. Чтобы окончательно отвлечься, Никиты решил пройтись. Он накинул куртку, нахлобучил шапку и уже потянулся к двери, чтобы открыть ее, как вдруг в нее постучали.

Глава 22. Ультиматум

От неожиданности Никита отдернул руку от дверной ручки, будто она была раскаленной. Стук становился настойчивее, делался агрессивным. Парень даже затаил дыхание, но снаружи послышался знакомый, до зубного скрежета неприятный голос: «Выходи, пацан, базар есть».

У Никиты была догадка, что Штырю от него понадобится, он также знал, что не сможет дать ему то, чего он просит, а значит, выпроводить его любовно не получится. «Как бы не дошло до драки», – вздохнул про себя Никита, но все же открыл дверь.

Он слегка опешил, увидев на пороге толпу из одиннадцати мужиков. Среди них были уже знакомые ему Штырь, Семён, Серёга и Иван, остальных он видел впервые. Толпа стояла чуть в стороне, а Штырь – прямо на пороге дома.

– Вечер в хату, – просипел Штырь, остальные не шелохнулись.

Никите пришлось собрать в кулак все свое самообладание и придать лицу самое непроницаемое выражение.

– Здорово, мужики, – сказал он немного более развязно, чем следовало.

– Тут смотри, какое дело, – начал урка, – люди решили, что надо сваливать из деревни. Краля твоя нас по-хорошему не пустит. Раз уж у вас с ней там шуры-муры, ты, это, давай,

либо убеди ее, либо убери с дороги. Люди хотят без мокрухи обойтись, так что срок тебе даем сутки.

Сказав все, что он считал нужным, Штырь уже было развернулся и хотел уйти, но Никита понимал, если не дать ему отпор сейчас при всех, то потом уже будет поздно. Он весь подобрался и сказал:

– Нет, ни убивать, ни заставлять Александру вас отпустить, я не буду. Уходить из деревни нам нельзя, и вы сами знаете почему. Мы не сможем жить среди людей. Лучше придумать, как быть с недостатком еды.

– Ты самый умный, что ли? – раздался из толпы голос, принадлежавший худощавому юнцу лет семнадцати. – Думаешь, мы не пытались решить проблему с едой? Нет ее, пустая тайга вокруг, за столько лет всех пережрали.

– Давайте сами мясо разводить, – предложил Никита.

– Не живет тут скотина, – пробасил Иван, – пробовали уже.

– Но что-то же можно придумать, – не унимался Никита.

Он чувствовал, что именно сейчас нужно изменить направление их мысли, убедить, что бегство из Горома – не единственный выход. Если не сделать этого, то они еще больше укрепятся в своем решении идти по головам, точнее, по одной, самой дорогой для Никиты голове. А этого он допустить не мог.

– Не бывает неразрешимых проблем, бывают неприятные решения, – продолжал он взывать в толпе.

– Ну вот мы и нашли неприятное для двух, но приемлемое для всей остальной деревни решение, – насмешливо сказал Семён. – Я Сашку уважаю, она нормальная баба. Но что поделать, она нам мешает.

Никита сжал кулаки. Огрызаться сейчас было бесполезно, они его просто забьют всей толпой. Но и найти ни одного весомого аргумента против их слова он не мог. Ситуация действительно была патовая. Не придумав ничего лучше, Никита решил достучаться до их человечности.

– Мужики, ну нельзя так, – голос его сорвался, стал дребезжать, – она тут не при чем. Она же не по своей воле всех тут держит. Нельзя ее за это убивать!

– А, так значит, попытаться убедить ее ты не хочешь? – издевательски скривился Серёга.

– Не согласится она, – тихо сказал Никита и опустил голову.

Он чувствовал себя загнанным в ловушку зверем, и чтобы освободиться, придется отгрызть себе лапу.

Штырь, которого Никита потерял из виду, внезапно оказался у него за спиной, и прошелестел прямо в ухо, обдавая парня отвратительным табачным дыханием:

– Тебе велели, ты выполняешь, все ясно?

У Никиты от затылка до копчика пробежали мурашки, его передернуло. Что он может сделать? Перед ним толпа здоровенных мужиков во главе с уголовником. Если Никита им безапелляционно откажет, то им ничего не будет стоять из-

бить его до смерти и сразу пойти и сделать то же самое с Александрой, а потом рассыпаться по всей стране и чинить там беспредел.

Штырь, больше не оборачиваясь, пошел прочь, а толпа мужиков последовала за ним, как за вожаком. Никита так и остался стоять на улице, растерянный, подавленный, напуганный. Потом ступор сменился яростью, голова отключилась, инстинкт самосохранения забился в самый дальний уголок сознания. Сейчас бы выпустить ту древнюю силу, которую дарует своему носителю паразит, кинуться бы сперва на Штыря, разорвать его в клочья, а потом и любого, кто сунется к нему или Александре. Перед глазами парня появилась красочная картина: его кулаки раз за разом погружаются в бордово-алое месиво с белыми вкраплениями, которое еще недавно было лицом ненавистного урки.

Никита рванулся с места вдогонку толпе. Вместе с адреналином в кровь выбрасывались сила и уверенность, каких Никита никогда прежде не ощущал. Он догнал Штыря, рывком развернул его за плечо к себе. Остальные мужики обступили их кольцом. Никто не произнес ни слова, все смотрели молча. Штырь глядел на Никиту, прищурившись и с насмешкой. Никита хотел было занести руку для удара, но не смог ее поднять. Вся сила, наполнявшая его до этого, куда-то испарилась, но при этом рука все еще его слушалась. Он спокойно шевелил пальцами и кистью, но, как только мозг давал команду мышцам сократиться для удара, они переставали

ли подчиняться. Никита разглядывал ладони, силясь понять, почему руки ему его не слушаются.

Кто-то в толпе хмыкнул:

– Ишь ты, на своего напасть хотел.

Раздался другой голос:

– Ты чего, пацан, не знал, что мы своих не обижаем?

Третий:

– Носители паразитов друг другу вред чинить не могут.

Штырь смотрел на Никиту не сводя глаз, насмешка в его взгляде превратилась с злорадство.

– Будь ты просто человек, я бы тебя прямо тут порешил, падла, – просипел он, – чтобы неповадно было. Но своему навредить нельзя, такой уж у наших паразитов порядок. Обычных людей в клочья порвать можем, а носителей – ни-ни. Так что радуйся, браток.

Он отвернулся и зашагал прочь, толпа потянулась за ним. Никита так и остался стоять посреди дороги, глядя то на ладони, то на удаляющиеся спины.

Глава 23. Решение

Александра задумчиво водила пальцем по краю чайной чашки, ее глаза были устремлены сквозь Никиту. Он не решился прервать ее размышлений и терпеливо ждал. Наконец, женщина медленно вдохнула полной грудью и подняла глаза на парня.

– Штырь пошел вразнос, – сказала она едва слышно, – серьезно настроился, его уже не отговоришь. И остальные за ним, как овцы послушные. Тоже мне, вожак...

Она вздохнула еще раз.

– Скверно, ох и скверно.

– А если просто отпустить их? – спросил Никита. – Пускай валят, куда угодно. Сделаем вид, что не знали об их плане.

– Ты представляешь себе, что такое этот паразит, и на что он способен? – в голосе и взгляде Александры появилась неожиданная строгость, будто она отчитывала мальчишку, попытавшегося засунуть пальцы в розетку. – Я вот не представляю. И не буду брать на себя ответственность за то, что выпущу в мир дюжину носителей, черт знает, на сколько опасного паразита. Если уж их веками в Гороме мариновали, то не просто же так. Значит, нельзя допустить, чтобы они отсюда ушли.

– Да что они сделают? – не унимался Никита, – их же всего одиннадцать. Не захватят же они власть над миром...

Последняя фраза была призвана немного разрядить обстановку, но Александра взглянула на Никиту с таким раздражением, что тот осекся.

– Ты не хуже меня знаешь, на что способны люди, осознающие свое превосходство над остальными.

Никита непонимающе на нее посмотрел.

– Фамилия Гитлер тебе ни о чем не говорит? – съязвила она в ответ на его взгляд, – а ведь он был простым психопатом, и никакой сверхъестественной силы, которая подкрепляла бы его в мысли, что он сильнее остальных, у него не было.

Никита задумался. Он действительно не мог быть наверняка уверен, что отпущенные из Горома носители не попытаются превратить мир в хаос. Да, их всего одиннадцать, к тому же, ну какой из Штыря фюрер? Но проверять, на что способны носители, окажись они в городе, который представляется для них ничем другим, как шведским столом, Никите не хотелось.

– Тут простая математика, – продолжала Александра, – либо несколько человек умрут здесь, а остальные миллиарды будут в безопасности, ну, по крайней мере, пока им не подвернется другой способ угробить самих себя, либо оставить носителей в живых, выпустить в мир и до конца жизни гадать, запустили ли мы с тобой бомбу замедленного действия или нет. Выбрать надо уже сейчас.

Никита потер виски. Решение было очевидным, но от того

– невыносимо трудным. Он не очень любил людей, особенно таких, как Штырь, но мысль о том, что их нужно будет убить, заставляла его внутренне содрогаться. Однако, математический подход казался ему правильным. Одиннадцать против почти восьми миллиардов. Выбор в пользу большинства.

– И что же с ними делать? Заманить в какой-нибудь сарай и поджечь всех вместе?

На лице женщины появилось выражение глубокой задумчивости. Прошло не меньше минуты, прежде чем Александра взглянула Никите в глаза и заговорила:

– Ты уже знаешь, что все носители связаны между собой. Паразит – это сложный организм. Каждый из вас носит в себе его частицу. Поэтому вы не можете причинить друг другу вред, паразит не будет вредить одной из своих частей. Тоже самое касается гибели. Если погибает одна часть, погибают и все остальные.

Никита слушал внимательно и напряженно.

– Твое тело и разум непосредственно связаны с твоим приживальцем. Если страдает он – страдаешь и ты. Но все-таки, он сильнее тебя. Если носитель погибает, то паразит может еще какое-то время существовать вне его, а если он будет находиться в холоде, как было с твоим, то он просто впадет в спячку на долгое время, но будет жив. А вот если погибает паразит, то носитель умирает сразу же.

– Подожди, откуда ты это знаешь? – перебил ее Никита, – ты же никогда не убивала никого из паразитов.

– Этих не убивала, – согласилась Александра, – но я знаю достаточно о подобных существах. Про смерть носителя – это просто предположение, основанное на знаниях о прочих похожих материях. Доказать или опровергнуть его невозможно, поэтому приходится воспринимать это как аксиому.

Парень даже слегка опешил. Никогда он не слышал, чтобы Александра говорила такими терминами. Он не считал ее необразованной деревенщиной, но в контрасте с тем, как она выражалась обычно, эти слова даже резали ему слух. Женщина продолжала:

– Сращивание паразита с носителем происходит не сразу, на это уходит несколько месяцев. В твоем случае, он еще не полностью овладел тобой, в тебе осталось достаточно человеческого. Это дает нам небольшую надежду на то, что мы сможем изгнать паразита, не убив тебя.

Никита встрепенулся. Впереди забрезжила надежда на счастливый конец. Его нетерпение, видимо, было написано на его лице, и Александра подняла руки в успокаивающем жесте.

– Не торопись, аявдери, сначала выслушай. Шанс правда небольшой. Это будет мучительно больно. Паразит может разорвать в клочья все твои внутренние органы, сломать все кости.

– Пусть шанс небольшой, но он есть, – перебил ее Никита, – и мы им воспользуемся. Расскажи, как это работает.

– Мы проведем ритуал, который должен выгнать из тебя

эту штуку, как только он вылезет, я его уничтожу...

Она вдруг замолчала, ее глаза забегали, будто она искала вокруг себя какую-то подсказку. Потом сдавленно продолжила:

– Я попытаюсь его уничтожить. Не знаю, как именно это сделать. Подействуют ли на него обычные средства, или нужно что-то особенное? Не знаю, не знаю. Ох, тетя Аяна, подскажи, как быть?!

Она закрыла лицо руками и сокрушенно покачала головой. Никите показалось, что она вот-вот заплачет.

– Тише, тише, перестань, – Никита торопливо начал ее успокаивать.

Через пару минут она взяла себя в руки и продолжила.

– Если мне удастся его убить, то остальные тоже погибнут. Но вместе со своими носителями. Они уже долго с ними живут, человеческого ничего не осталось. Их спасти не удастся.

Странное и неуместное чувство вины обрушилось на Никиту. Он был одним из них, одним из носителей паразита, но у него был шанс, пусть и крошечный, а у них не было никакого. Одиннадцать мужчин – мужей, сыновей, отцов – погибли, оставив свои семьи. И тут Никите открылась другая сторона. Возможно, в желании носителей покинуть Гором заключается страх за своих близких? Зверья все меньше, люди голодают чаще. Вот Иван, например, боится за свою дочь, на которую может напасть, если будет голоден. Никита помнил, как его оставил рассудок, когда он в момент полного

истощения увидел Звезду во дворе у Ивана. Получается, что единственный способ спасти их семьи – это лишить их кормильцев. Это жутко неправильно.

Раздумывая, Никита машинально гонял по столу хлебные крошки, а сейчас увидел, что собрал их в рисунок: небольшая кучка в центре неровной окружности. Он сделал короткое движение пальцем, и в окружности получился разрыв. Внутри что-то кольнуло, но в следующую секунду он смахнул все крошки на пол.

Глава 24. Духи

– Давай, чтобы как ядерным взрывом – быстро и безболезненно, – Никита пытался придать своему голосу бодрость и насмешливость, но получалось не очень убедительно.

Александра перелистывала страницы толстой пожелтевшей тетради, выискивая там подходящий обряд. В ней была собрана вся мудрость предков шаманки, многими поколениями передаваемая из уст в уста и собранная в единый сборник всего несколько десятилетий назад. Тетрадь ей передала перед самой смертью тетка Аяна, которая назначила ее своей преемницей. Так что, тот самый шаман, заточивший в Гороме кольцовских казаков, не был прямым потомком Александры, но кровь тут не имела значения.

Решение провести обряд, им обоим далось нелегко, но влюбленные понимали, что оно единственно правильное. Вся дюжина паразитов разом будет уничтожена, как и угроза хаоса, который они с собой несут.

Никита с содроганием представлял себе, что начнется в деревне, когда женщины поймут, что произошло, и кто виновен в смерти их мужчин. Они, конечно, ринутся к Александре, учинят самосуд и порвут ее на части. Поэтому возвращаться в свой дом ей было нельзя, решили, что она отсидится в, подготовленном заранее, убежище в тайге. Не очень далеко от капища стояло старое охотничье зимовье. Уже много

лет оно было заброшенным, никто, кроме Александры о нем не знал. Решено было отсидеться там.

Но у самой Александры был второй план, и, если честно, то она считала его более вероятным. Шанс, что Никита выживет после обряда, был слишком мал. Если она оплошает и не сможет спасти его, то отправится вслед за ним. На этот случай у нее есть особый травяной сбор. На четвертом десятке она столкнулась с чувством, перевернувшим ее жизнь с ног на голову. У нее был человек, без которого она не хотела жить дальше. Александра все-таки была шаманкой и верила в то, что после смерти тела душа не исчезает в никуда, поэтому уйти вместе с любимым в надежде, что они могут встретиться еще раз в следующей жизни, было лучшим для нее вариантом. Здесь ее не держало ничего, кроме Никиты, а если его не будет, то и уйти она сможет с легким сердцем.

Практически все необходимое для ритуала было у шаманки в наличии, оставалось только собрать кое-что в тайге и прийти в нужную фазу луны на капище. После последних приготовлений в запасе оставалось пара дней, каждую минуту из которых Никита и Александра хотели провести вместе.

Никита помнил о сроке, который дали ему носители: если через сутки Александра не отпустит их, то они придут к ней сами и решат проблему по-своему. Нужно было выторговать у них еще два дня. Придя домой к Штырю, Никита рассказал, что Александра не может просто так взять и выпустить их, мол, на деревне лежит древний заговор, который нужно

снять, а сделать это можно только через три дня, когда луна будет в нужной фазе. Все эти три дня шаманка будет готовиться, и беспокоить ее нельзя. Штырь выслушал молча, и в конце лишь кивнул. Никита был уверен, что просьбу не беспокоить Александру Штырь выполнит сам и проследит, чтобы остальные жители деревни тоже к ней не ходили, это в их же интересах.

Они наглухо закрыли все ставни, чтобы с улицы в окна никто не заглядывал и не тревожил. Запаслись водой и дровами, чтобы самим лишний раз не выходить наружу. Александра позаботилась и о еде, достав из закровов большой кусок мороженного дикого мяса. Сама она могла спокойно и с удовольствием питаться хлебом, но Никите нужно было свое особенное питание.

Все два дня их одежда так и пролежала, сваленная у кровати. Из-за закрытых ставень они не различали время суток. Утомленные, они засыпали на пару часов, а потом просыпались и снова бросались с омут объятий и поцелуев. От предчувствия неминуемого их страсть становилась только сильнее, они отдавались друг другу без остатка, ведь кроме этой близости у них больше ничего и не осталось.

В очередной раз проваливаясь в сон, прислушиваясь к тихому дыханию Александры, лежащей у него на груди, Никита думал о том, что может без сомнения считать себя человеком удивительной судьбы. События последних дней были настолько непредсказуемыми и концентрированными, будто

вселенная сжалась над ним и решила дать ощутить всю полноту жизни перед ее концом.

В день, когда должен был состояться обряд, выпало по пояс снега.

«Будто саван», – подумал Никита безучастно и поймал себя не мысли, что внутри у него также бело и холодно. Он совсем не боялся, был спокоен и даже торжественен. Он подозревал, что этим спокойствием он обязан чаю, которым Александра поила его в последние дни.

Женщина же, напротив, металась по дому, не находя себе места. Утром Никита проснулся один и нашел Александру в бане, где она перебирала связки сушеных трав, жестяные банки и маленькие холщовые мешочки.

– Не спится? – спросил он и обнял ее за плечи.

– Какой там, – мягко отстранилась она, – но я рада, что ты спокоен.

– Не без твоей же помощи, – он снова привлек ее к себе, а она спрятала на его груди зардевшееся лицо.

– Нам идти пора, до капища часа два ходу по такому снегу, а перед тем – нужно зайти в зимовье, проверить, не приходили ли кто туда.

Хруст снега под ногами эхом отражался от черных стволов деревьев. Они шли молча, пробираться сквозь высокий снег было и без того утомительно, разговоры отнимали бы силы.

Небольшую круглую поляну со всех сторон черной стеной окружал лес. Казалось, что деревья здесь были выше и сто-

ляли друг в другу плотнее, чем вокруг деревни. На их вершинах лежало низкое хмурое небо, пространство напоминало колодец. В центре находилось несколько камней разных форм и размеров, но поляна вовсе не была похожа на какое-то ритуальное место.

– Я ожидал увидеть здесь что-то вроде Стоунхенджа, – немного разочаровано протянул Никита.

– Эти камни постарше Стоунхенджа будут, – отозвалась Александра, – по крайней мере, ритуалов они точно больше видели.

Она стала очищать камни от снега, а Никита принялся помогать. Под снегом на камнях обнаружились узоры. Прямо в глыбах были выточены волнистые линии, круги, квадраты, какие-то смутно знакомые символы.

– Что означают эти рисунки? – обернулся к женщине Никита.

– Имена предков, – не прекращая работы, ответила Александра. – В основном имена шаманов, но есть тут и наши старейшины, и преступники, и воины – все самые отличившиеся. Вот, например, – она смахнула рукавицей снег, и под ним Никита увидел рисунок, похожий на изображение лука и стрелы, окруженных волнистыми линиями, – это Бэрелту, имя стрелка, который убил из своего лука медведя и тем спас еще, не рожденного шамана Янго. Мать с Янго в утробе пошла в тайгу, на нее напал медведь. Лучник каким-то чудом оказался поблизости, услышал крик женщины, примчался и

стал выпускать в зверя стрелу за стрелой. Весь колчан выпустил, а медведю хоть бы что. Когда осталась последняя стрела, Бэрелту услышал детский голос, сказавший окропить наконечник стрелы своей кровью. Он проткнул стрелой себе руку, а потом всадил ее прямо медведю в глаз, спас беременную. Потом говорили, что Бэрелту услышал голос самого Янго из материнского чрева. Через много лет Янго спас несколько деревень от мора. Его имя тут тоже где-то есть. В каждом имени заключена части души предков. Во время ритуалов они помогают шаману.

Никита слушал как замороженный. Он впервые был так близок к чему-то мистическому. Еще месяц назад он бы фыркнул, услышав эту историю. И шаманов, и ритуалы он считал шарлатанством. Но сейчас он воспринимал это со всей серьезностью.

Он слышал много историй о том, как отчаявшиеся люди, испробовав все возможные методы лечения, но, не достигнув исцеления, бежали за помощью к шаманам, бабкам, экстрасенсам, и те им помогали. Никита всегда списывал это на самовнушение. Но теперь он сам был в таком положении, что ничего из традиционного ему помочь не могло, и оставалось уповать только на мистику и силу его предков.

Когда все камни были очищены от снега, Александра достала из своей неизменной торбы небольшую банку белой краски, вручила ее Никите и сказала прокрасить все рисунки на камнях.

– Это для духов, – пояснила она, – чтобы они увидели на камнях свои имена, поняли, что их призывают и явились к ритуалу. Чем больше будет духов, тем лучше все пройдет.

Сама, тем временем, она развела костер, разложила рядом небольшой прямоугольный кусок материи. Ей оказалась выделанная медвежья шкура. Тут же из торбы показались чашки, ножи, баночки, мешочки. Последними из сумки было извлечено шаманское облачение: накидка и головной убор, названия которого Никита не знал. Оба предмета были сделаны из полосок кожи, на концах которых позвякивали металлические кругляшки. При движении они издавали тихий мелодичный звон. Накидка была вполне обычная, в отличие от головного убора. Он чем-то напоминал повязки, которые носят спортсмены, чтобы пот не попадал в глаза, но от кожного ободка вниз свисали такие же кожаные полоски с побрякушками. Они свисали до груди и полностью закрывали лицо.

При виде женщины, в один миг превратившейся в тунгусскую шаманку, у Никиты по телу пробежали мурашки. От нее исходила такая сила и власть, что он невольно отвел от нее взгляд, будто не был достоин смотреть на нее. Весь ее нынешний образ никак не сочетался с хрупким обнаженным женским телом, которым он любовался последние два дня. Он попытался вспомнить это тело во всех самых мельчайших деталях, но не смог. Не получилось воспроизвести в памяти ни поцелуи, ни объятия, ни близость. Единственное,

что представало перед внутренним взором Никиты, когда он думал об Александре, была женская фигура в кожаной накидке и кожаном венце, закрывавшем ее лицо. Весь ее облик будто блокировал все, что не было связано с ее образом шаманки.

Женщина сняла облачение, отложила его в сторону. Никиту тут же словно отпустило, вспомнились и поцелуи, и тепло, и от этих воспоминаний его бросило в жар.

Глава 25. Ритуал

К вечеру на небе не осталось ни облачка, ветер совсем стих. Пламя трех разоженных на капище костров, горело равномерно, таежную тишину нарушал только их треск.

Все приготовления к ритуалу были завершены, дело оставалось за малым – дожждаться, когда взойдет луна.

Пока шли приготовления, Александра рассказала Никите о ритуале. Теперь он хотя бы знал, к чему ему нужно быть готовым. Когда взойдет луна, Александра, уже облаченная в шаманскую одежду, бросит в пламя каждого костра по связке трав, начнет читать древние тексты и заговоры. Когда прочтет все, разрежет ладонь и прикоснется к каждому камню, оставив на нем отпечаток, так она задобрит духов и покажет им, что готова пожертвовать собой, чтобы уничтожить древних паразитов. Если после жертвоприношения погаснет хотя бы один их костров, это будет означать, что духи явились и поддерживают шаманку. Если же нет, придется снова резать руки и окроплять кровью камни.

Никита спросил, были ли случаи, когда ни один из костров так и не гас. Оказалось, что это не редкость.

– Я знаю о троих шаманах, которые так и не вызвали духов и умерли прямо здесь от кровопотери, – она говорила об этом так спокойно, что Никите стало не по себе.

Когда и, если духи все-таки придут, шаманке нужно бу-

дет выпить настой из крапивы, чабреца и душицы, так она сможет защитить себя. Ни одно из этих растений в тайге вокруг Горума не найдешь, но, к счастью, у Александры оказался запас еще с детских лет, когда тетка Аяна учила ее врачеванию.

Следующий этап будет завершающим и самым болезненным. Никита будет стоять в окружении пяти больших чаш, в которых будут куриться травы, будет неотрывно смотреть на шаманку. Это вгонит его в транс, постепенно он начнет утрачивать свое человеческое сознание и приближаться к состоянию, похожему на смерть. Паразит, почувствует, что его носитель больше не в состоянии добывать ему пропитание, захочет покинуть бесполезное тело. Тут-то шаманка должна будет поймать его в осиновую клетку и бросить ее в огонь одного из костров. Одновременно с тем, как начнет гореть и умирать Никитин паразит, остальные тоже начнут агонизировать идохнуть вместе со своими носителями.

– Когда ты начнешь отключаться, паразит подумает, что ты умираешь, и ему придется вылезти наружу. Там я буду поджидать его с открытой клеткой.

– Я не буду тебе врать, – сказала Александра тише, видя тревогу на лице парня, – без боли здесь не обойдется, но в курительные чаши я добавила побольше зверобоя, чтобы облегчить мучки, и мяты, чтобы забытие было глубже. Я не могу обещать, что ты ничего не почувствуешь, пока не отключишься, но это единственное, что я могу сделать.

Никита был готов к боли, она его не пугала. Больше всего он боялся за Александру, что к ней после ритуала явятся жены и матери, когда поймут, что мужчины-носители не просто так разом взяли и умерли. Но Александра пообещала, что отсидится в тайге подольше, а потом тайно уедет из Горума с машиной, которая возит продукты. Про свой второй план она, конечно же, ничего ему не сказала.

Они сидели у огня молча, касались друг друга плечами. Оставались считанные минуты до того, как появится луна. И когда начнется ритуал, они уже не смогут сказать ничего друг другу. В эти последние минут нужно было говорить о самом важном, но оба молчали. Никита просто сидел и повторял про себя: «Я люблю тебя. Я люблю тебя». Александра тоже сидела молча. О чем она думала, Никита не мог представить. Но, как только над макушками деревьев появилось едва заметный серебристый отсвет, она резко повернулась к Никите и сказала, глядя ему в самую душу:

– Я люблю тебя. Ничего не бойся.

Он раскрыл было рот, чтобы ответить ей, но она уже поднялась на ноги и пошла надевать шаманское облачение.

Глава 26. Жертва

От брошенных в костер трав, поднялся сноп ярких искр. Казалось, что он взметнулся почти до небес. Тишину ночной тайги в клочки разорвал низкий гортанный голос, произносящий странные, не похожие на слова звуки. Никита даже не сразу понял, что он принадлежит Александре. Голос больше походил на звериный рык. От него вибрировал воздух.

Никита стоял спиной к шаманке и наблюдал, как на плотной стене деревьев, окружавших капище, пляшет ее тень. Со всех сторон его окружал терпкий дым от курительных чаш. Нереальность происходящего постепенно погружали его в состояние транса. Оно было похоже на опьянение. Зрение не фокусировалось, тело покачивало из стороны в сторону, в голове шумело. Он потерял счет времени.

Звуки стихли, превратились в едва различимый шепот. Тень перестала плясать. «Начала жертвоприношение», – подумал Никита.

Александра переходила от одного камня к другому, оставляя на них красные отпечатки ладоней. Боковым зрением она следила за кострами. Ни один не собирался гаснуть. Обойдя все камни, она сделала надрез на другой ладони, глубже, чем был на первой. После второго круга костры продолжали гореть.

Никита не умел молиться, всего несколько раз в жизни в

самые, как ему казалось, тяжелые моменты он пытался просить что-то у того, кого считал Богом. Сейчас он вновь мысленно обращался к нему. Потом осекся. Ему казалось, что духи, в которых он, кстати, тоже не верил до сегодняшнего дня, могут оскорбиться на это и не появиться вовсе. А больше всего на свете Никите сейчас хотелось, чтобы Александре не пришлось делать другие разрезы.

Видя, что пламя костров не слабеет и не собирается гаснуть, женщина засучила левый рукав, сделал глубокий вдох и полоснула себя по предплечью. Надрез получился глубже, чем она планировала, но тем лучше. Может быть, именно сейчас духи решат прийти к ней на помощь? Никита не видел и не слышал, как лезвие ножа вонзилось в плоть, но он ощутил жжение на своем левом предплечье.

Третий круг уже подходил к концу. Оставив отпечаток на последнем камне, шаманка обвела взглядом костры. Ничего. Они горели по-прежнему весело и трескуче. Она засучила правый рукав, занесла нож для удара. Никита зажмурился. Он слышал, что визуализация помогает достижению целей. «Какая к черту визуализация! – ругался он на себя, – ты же не на тренинге по личностному росту!». Но сейчас он готов был цепляться за что угодно. Он представил себе занесенный для удара нож, отблеск костра на лезвии, резкий выдох Александры, и в этот миг гаснущий от сильного порыва ветра костер.

В гладкой стальной поверхности лезвия отразилось пла-

мя. Нож в дрожащей от боли левой руке рассек нежную кожу и глубоко вошел в мышцы правого предплечья. Рука слушалась плохо, рана на ней горела болью, поэтому Александра не смогла вытащить нож из разреза сразу. По рукояти на снег капали крупные бордовые капли. Она опустила голову и закрыла глаза собираясь с силами, а когда открыла их, на поляне горело на один костер меньше.

Сквозь зажмуренные веки Никите показалось, что исчез источник свет справа от него. Он распахнул глаза, повернул голову направо и увидел столб сизого дыма, поднимающийся над углями одного из костров. Он обернулся к Александре и чуть было не сорвался с места, увидев, как она, пошатываясь, идет в расстеленной на земле медвежьей шкуре за чашкой с травяным настоем. За ней волочилась пунктирная линия капель крови.

В это мгновение он ненавидел себя за то, что подвергает свою любимую такой муке. Из-за него она исполосовала себе руки, потеряла столько крови, а он стоит как истукан и не может даже поддержать ее под руку. Но еще до начала ритуала Александра строго наказала ему стоять на месте. Если Никита сойдет с него, он может спугнуть духов, которых с таким трудом удалось затащить на капище.

Выпив из дымящейся кружки настой, женщина нетвердой походкой подошла к Никите. Поймав его блуждающий взгляд, она стала выговаривать непонятные слова. Все громче и громче становился ее голос, снова стал походить на зве-

риное рычание. Лица Александры Никита не видел, оно было закрыто кожаными полосками, только иногда между ними он ловил отблеск костров в ее глазах. Она двигалась перед ним в каком-то хаотичном танце, выговаривала гипнотизирующие слова, травяной дым наполнял его легкие, он чувствовал жжение изнутри. Постепенно оно переросло в боль, собравшуюся в комок где-то под диафрагмой. «Паразиту не нравится», – понял он.

Комок боли рывком переместился из-под диафрагмы в левый бок, потом в правый, потом к яремной впадине. Паразит метался в теле своего носителя, пытаясь избавиться от невыносимого запаха и звуков. Снова метнувшись в правый бок, он сломал Никите ребро. Парень чуть не закричал от резкой боли в боку. Снова рывок – такая же боль от перелома ключицы. Не в силах больше стоять на ногах, Никита упал на колени. Он обхватил себя руками, пытаясь унять паразита, но это не помогало.

Вдруг в глазах стало темно, он уже не различал окружающие его предметы. Далеким эхом он услышал свой голос: «Остановись, или я разорву его изнутри!». Это паразит, завладевший его сознанием, требовал шаманку прекратить изгнание. Но Александра не остановилась, напротив, стала говорить еще громче. В следующую секунда Никита отключился.

Александра, не прерывая чтения заговоров, подхватила его и уложила на спину прямо на снег. Хотя Никита уже по-

что не дышал, его грудь и живот резко вздымались, а спина из-за этого выгибалась дугой. Это паразит бился в его теле. Еще немного и он начнет вылезать наружу через рот. Осиновая клеть была уже наготове.

Конвульсии усилились, парня трясло и швыряло. Момент был близок. Наконец, челюсти Никиты разомкнулись, между губ показался слабый зеленый отсвет.

Зеленый сгусток едва заметным глазу движением метнулся и упал на снег. В ту же секунду Александра накрыла его сверху осиновой клетью. Тварь, ощущая угрозу, начала биться, несколько деревянных палочек, из которых были сделаны стенки клетки, хрустнули, но не переломились. От соприкосновения со снегом, паразит начала замерзать, впадать в анабиоз. Движения замедлились, зеленое свечение померкло и стало едва различимым. Убедившись, что существо больше не сопротивляется, Александра перевернула клеть, накрыла ее сверху тряпицей, смоченной тем же отваром, что она пила, и поднесла к костру.

Почувствовав тепло, паразит стал снова вяло шевелиться, но отогреться и очнуться шаманка ему не дала. Она бросила клеть в костер. Ночную тишину разорвал вой боли. Он шел со стороны деревни, и Александра знала, что там одновременно взвыли в агонии одиннадцать мужчин.

Многих из них она знала с детства. Они были хорошими мужьями, отцами и сыновьями. Но судьба сделала их носителями древнего и опасного для всего человечества парази-

та. А ее, Александру, эта же судьба сделала шаманкой, призванной охранять от этих паразитов внешний мир. Она исполнила свой долг. Она не разрешала себе чувствовать ни жалости, ни раскаяния. Сейчас было не до них.

Глава 27. Жизнь

Она подбежала к распластавшемуся на снегу Никите. Его руки и ноги были изогнуты под неестественными углами, словно каждый сустав был поврежден. Подбородок, шея и ворот куртки были залиты кровью, в которой отражались отблески костров.

Он не дышал, пульса не было. Александра уже сталкивалась с клинической смертью и знала, как вернуть человека, который лишь одной ногой вступил во тьму.

Она расстегнула молнию на его куртке, потом одним резким движением разрезала свитер и вскрикнула. Вся грудь и живот парня были одним сплошным кровоподтеком. Когда паразит бился в теле своего носителя, как в клетке, наверняка, повредил внутренние органы. Женщина даже не была уверена, что внутри хоть что-то уцелело. Как делать массаж сердца, если на его месте может быть просто клочок мышцы? Реанимация тут была бесполезна.

Александра чувствовала, как отчаяние и бессилие берут над ней верх, но она не могла им поддаться. Она тряхнула головой, отгоняя панику. Если официальная медицина не работает, пора прибегнуть к другим методам.

В детстве она видела, как тетка Аяна спасла мальчика из соседней деревни, на которого в тайге напал медведь. По всем физиологическим показателям он был мертв, но шама-

ны не ограничивают жизнь физиологией. Есть еще энергия, и она может вернуться даже в мертвое тело и оживить его. Мальчик был мертв почти час, его собственные силы уже почти полностью его оставили, и тогда тетка Аяна отдала ему часть своих. Это стоило ей нескольких недель болезни и слабости, но иначе она поступить не могла. То же самое собиралась сделать сейчас Александра. Точной инструкции к такому ритуалу она не знала, тетка не успела ей его рассказать, но женщина решила довериться своему чутью.

Она прикрыла глаза, низким грудным голосом стала читать древние тексты, в которых она просила духов помочь ее направить. Ей нужны были проводники, через которые она могла поделиться своей энергией с Никитой. Это могло быть что угодно: предмет, вещество, звук, свет, но наверняка это знают только духи, без их помощи она не угадает.

Слабый ветерок коснулся ее правой щеки, она подчинилась ему и, не открывая глаз, пошла направо. Затем такой же ветерок направил ее влево. Она следовала за этим потоком воздуха, будто кто-то незримый вел ее за руку. Она почувствовала прикосновение ветерка к ладони и вытянула руку вперед. Через секунду ладонь уперлась во что-то твердое и шершавое. Она мысленно поблагодарила духа, ведущего ее, и открыла глаза.

Перед ней стоял молодой кедр, еще не очень высокий, но крепкий. Она улыбнулась: ну, конечно! Именно кедр, Никитино дерево, будет лучшим проводником.

Она мысленно попросила у дерева прощения за то, что намеревается взять у него одну ветку, и взамен пообещала высадить новый саженец за своим домом. К счастью, ветви дерева росли достаточно низко, чтобы ухватиться за них в прыжке. Маленькая Александра, в которой едва ли было пятьдесят килограммов веса, ухватила за самую нижнюю ветку толщиной с две ее руки. Изрезанные ладони обожгло болью, хватка ослабла, но лишь на долю секунды. Она сосредоточила в руках всю свою силу и рванула ветку вниз. Та с треском обломилась. Потом Александра сама недоумевала, как ей удалось сломать такую огромную ветвь. Но в моменты наивысшего напряжения, когда твоя жизнь или жизнь твоего любимого человека висит на волоске, все ограничения имеют свойство исчезать.

Она подтащила ветвь к распростертому Никитиному телу и перекатила его на широкую хвойную лапу. За те несколько минут, что она искала проводник, парень уже стал коченеть, изломанные конечности почти одеревенели, а цвет лица все больше походил на окружавший его снег.

Схватившись обеими руками за ветку, Александра снова стала читать тексты и заговоры. Ее глаза были закрыты, она раскачивалась из стороны в сторону, с каждым словом голос становился все глуше и хрипел сильнее. Она изо всех сил старалась направить в дерево свою энергию, но чувствовала, что не получается. Ее ладони, несмотря на разбереженные раны, оставались холодными, на лице Никиты по-прежнему

не было признаков жизни.

Шаманка понимала, что у нее остаются считанные минуты, но ее ладони никак не хотели теплеть и отдавать дереву ее энергию. Тогда, не открывая глаз, она схватила лежащий рядом нож, который до этого резала руки, чтобы умиловать духов, и молниеносными движениями полоснула сначала по одной ладони, затем по другой. Глаза застило слезами, голос сорвался на крик, но поток заговоров не прекратился. Она с остервенением сжала ветку, чувствуя, как в оголенное мясо на ладонях впивается шершавая кора. Но вместе с тем она, наконец, почувствовала, как вместе с ее кровью в дерево впитывается ее энергия. Всклип облегчения вырвался из ее груди. Она подняла глаза на Никиту и увидела едва заметный пар, вырывающийся из приоткрытого рта. Он задышал, жизнь возвращалась к нему.

Александра уже не кричала, и даже не говорила, а едва шептала. Пока Никита не откроет глаза, переливание энергии нельзя было останавливать. Она была почти опустошена. За последние несколько часов она вынесла страх, боль, потерю крови. Обычный человек уже давно бы потерял сознание, но не она. За ней стояли духи ее предков, многолетний шаманский опыт, но главное – за ней был ее мужчина. И сейчас она готова была высушить себя до последней капли, чтобы вернуть его к жизни. Ее веки тяжелели. Пламя костров, стена темного леса, лунные блики на сугробах плыли перед ее взором, а она все читала древние тексты, явственно

ощущая, как ее энергия потоком проходят через древесину прямо в тело Никиты.

Последнее, что она помнила перед тем, как потерять сознание, были глаза Никиты, пристально смотрящие прямо на нее.

Глава 28. Возвращение

И эти же серые глаза были первым, что Александра увидела, когда пришла в себя.

Она лежала на грубо сколоченном топчане, укрытая шерстяным одеялом. На низком бревенчатом потолке плясали отблески свечей. Пахло пылью и дымком из печи.

Никита сидел напротив нее, держа в руке дымящуюся кружку. Вдохнув полной грудью, Александра улыбнулась. Она узнала чабрец, ромашку и ель. Именно то, что ей было нужно сейчас для восстановления утраченных сил. Она попыталась подняться, но с первого раза не получилось, руки не слушались, а в глазах потемнело. Никита подхватил ее, не дав упасть. Когда темнота перед глазами рассеялась, она увидела, что лежит у него на коленях. Именно в тот миг, когда воедино сплелись его взгляд, запах дыма и трав, треск хвороста и игра теней от пламени свечей, женщина впервые в жизни ощутила себя по-настоящему счастливой.

– Привет, аявдери, – улыбнулась она, – как ты тут?

– Скучал, – ответил Никита, – осваивал травы. Вот, хлебни.

Он бережно приподнял ее голову и поднес кружку к ее губам. Горячий отвар приятно согрел горло.

– Горько, – сморщилась она.

– Ты еще первые мои варева не пила, – усмехнулся он,

оставив кружку.

Она полежала еще несколько минут у него на коленях, пока не почувствовала в себе силы встать.

– Долго мы тут? – спросила она.

– Четвертый день, – начал рассказывать Никита. – Несколько раз у тебя начинался сильный жар, ты даже бредила, но снега вокруг полно, так что сбивать температуру было не трудно. Сегодня была первая ночь, когда ты проспала спокойно.

– А ты?

– И я спал спокойно, – улыбнулся он.

– Да нет же, я имею в виду, как ты чувствуешь себя?

– Именно так, как должен чувствовать человек, которого сначала изорвали в куски, а потом снова склеили, – ответил он, но совершенно без сарказма, лишь с едва уловимой горечью, – я жив благодаря тебе.

– Ох и дался ты мне, – с наигранным раздражением сказала она.

– Ну я же того стою, – парировал он.

– Это точно.

На какое-то время повисла пауза, но дискомфорта и смущения она не принесла.

– Расскажи, что случилось за то время, что я была не в себе, – попросила женщина.

Никита прислонился спиной к своду пещеры и начал:

– Я очнулся, когда ты уже лежала и почти не дышала.

Встал с трудом, так все болело. Потом увидел, в каком состоянии ты, и сразу все как рукой сняло. Ты потеряла много крови, все руки изрезала, а ладони вообще в ужасном состоянии были. До рассвета немного оставалось. Возвращаться ни к тебе, ни ко мне было нельзя. Даже, если к тому моменту деревенские еще не пришли к тебе, то уже наверняка собирались. Поняли они или нет, почему умерли их мужики, не знаю, но все равно, рисковать было нельзя. Я отнес тебя в зимовье, как мы и договаривались.

Я оставил тебя тут, забрал с капища все вещи, следы крови снегом припорошил. А, еще, ты прости, но в твоей торбе покопался. Искал что-то, что может тебя подлечить. Заварил то, что знал, чабрец, ромашку, кору дуба, остальное было незнакомое, решил не трогать. Поить тебя в таком состоянии было не просто, большая часть мимо проливалась, но что-то все-таки попало и помогло, наверное.

Потом ближе к обеду пошел к твоему дому, подкрался к нему со стороны леса. Деревенские церемониться не стали. Выбили дверь, посрывали ставни с окон, но внутри почти ничего не тронули: так... стулья да кровать опрокинули. Но деревня на ушах стоит. Все бегают из дома в дом, голоса что-то. Я старался не попасться на глаза никому. Взял теплые вещи, лекарства, какие нашел, еды немного, и вернулся. Ты бредила и температурила три дня. Потом стала успокаиваться.

В деревню я больше не ходил, делать там нечего. Еды у нас

еще ненадолго хватит, а потом уходить отсюда нужно будет, как только ты окрепнешь. Выйдем к дороге, поймаем попутку, и до Туры, а там придумаем что-нибудь.

Александра внимательно выслушала Никиту.

– Ты сам-то как? – спросила она, – паразит тебя хорошенько потрепал. Я думала, у тебя внутри ни одного целого органа и кости не осталось, уж так он бушевал. У тебя грудь и живот сплошным кровоподтеком были, а сейчас как?

И она потянулась к нему, чтобы поднять его свитер и самой взглянуть. Кожа выглядела почти здоровой, кое-где оставались небольшие желто-зеленые пятна заживающих синяков.

– Я, собственными глазами видел, как синяки и переломы обращаются вспять, – сказал Никита, – как они рассасываются и срастаются. Когда пришел в себя, сначала не мог даже вдохнуть, легкие будто склеило, и воздух не мог в них поступать. Потом пытался встать на ноги, но они тоже, видимо, были повреждены. Потом на четвереньках пополз до тебя и понял, что ты сделала. Ты мне почти все свои силы отдала, ты собой пожертвовала.

Никита накрыл ее руку, которой она водила по его торсу, своей и прижал. Она подняла на него глаза и едва слышно сказала:

– А как же иначе, аявдери? Мне ведь без тебя ничего не нужно, даже собственные силы ни к чему, потому что без тебя мне жизни не будет.

Он приподнял ее подбородок и поцеловал.

– И мне без тебя теперь ничего на этом свете не нужно.

Александра почувствовала слабость. То ли еще не совсем оправилась, то ли рядом, наконец, был человек, с которым можно перестать быть железной и дать ему возможность заботиться о ней. Настоящая причина ее мало заботила. Она положила голову ему на грудь, он обвил ее руками. Никто не мог сказать, сколько времени они так сидели, но обоим хотелось, что это длилось бесконечно.

Глава 29. Путь

И Александре, и Никите понадобилась еще пара дней, чтобы оба, наконец, почувствовали себя в силах покинуть таежное укрытие и уехать из Горома.

Накануне отъезда, ночью они пробрались в дом Александры. Она не могла уехать и оставить накопленные годами важные для нее вещи. Она забрала несколько старых книг, свою любимую шаль, прихватила даже несколько связок какой-то очень уж редкой травы. Все это пришлось собирать впотьмах, чтобы горящие окна ее дома не привлекли внимания.

Даже в такой поздний час деревня не спала.

Дождаясь шести часов утра, когда можно было с минимальным риском встретить кого-то, Александра и Никита сидели в доме, почти полностью выстывшем за время их отсутствия. Женщина смотрела через окна на пустынную деревенскую улицу. В некоторых домах до сих пор горел свет, иногда ночную тишину нарушал скрип чьей-то входной двери, собачий лай или тихий женский плач.

– Пять дней назад мы разрушили жизни одиннадцати семей, – сказала Александра, не отрываясь, глядя в окно на крыльцо дома напротив, куда вышла женщина, закутанная в огромную пуховую куртку. Куртка явно принадлежала не женщине, а ее мужу, который тоже погиб во время ритуала.

Соседка стояла, смотрела в пустоту. Она не плакала, не стенала. Просто вонзила свой взгляд в таежную темноту. И в этих глазах Александра увидела, какая боль живет внутри нее. Они с мужем жили душа в душу почти тридцать лет. Он был неплохим мужем. Не пил, исправно приносил домой дичь. Первый и единственный их ребенок появился на свет, когда обоим было уже к сорока. Поздняя и долгожданная девочка была, как две капли воды, похожа на отца. И в одночасье его не стало. Не стало отца, мужа, добытчика, защитника, просто хорошего мужчины.

А маленькая дочь Ивана, совсем недавно потерявшая любимую лайку и лишившаяся отца, чем она заслужила такое?

Среди дюжины носителей были и такие, смерть которых сделала одолжение всему человечеству. Например, Штырь. Он был не просто носителем, он сам был паразитом. Полжизни скитающийся по зонам, полжизни отсиживающийся в Гороме, он вряд ли принес бы хоть какую-то пользу этому миру.

Проведя ритуал, Александра с Никитой оградили внешний мир от того зла, которое могло вырваться из Горома под предводительством Штыря. Но при этом они разрушили жизни многих семей. Стоило ли оно того? Ведь, потерявшим кормильцев, семьям не объяснишь, что их отцы, мужья и сыновья могли натворить, если бы они вырвались из заточения. Да и нужно ли это делать?..

Из потока противоречивых мыслей Александру вырвала

прикосновение Никитиной руки к ее плечу. Взглянув в ее глаза, он понял, в водоворот каких размышлений попала его женщина.

– Эй, – сказал он со всей нежностью и участием, на которые был способен, – сделанного не вернешь. Мы никогда не узнаем, было ли это правильным решением, или мы совершили преступление, лишив жизни одиннадцать человек. Но это уже произошло, так давай попробуем все-таки жить с этим. Вместе нам будет легче.

– И ты не будешь просыпаться ночами от того, что в твои сны будет приходить маленькая Соня и клясть тебя за смерть своего отца? – она подняла на него бездонные зеленые глаза.

В них он увидел смесь упрека, страха, сомнения, печали. Взгляд был тяжелым, но Никита выдержал его. Он набрал в грудь побольше воздуха и сказал:

– Конечно, буду. И ты будешь. Но мы уже приняли решение и привели его в исполнение. Имели ли мы на это право? Не знаю. Возможно, однажды нам придется заплатить за это. Но не прямо сейчас, и не в следующую секунду. Прямо сейчас – мы вдвоем, мы можем уйти куда угодно и прожить такую жизнь, которая может окупить сделанное нами. Да, мы уже успели принести разрушение. Теперь настал черед созидать.

Он протянул ей руку в приглашающем жесте. Она вложила свою ладонь в его и тоже поднялась. Он смотрел на свою маленькую, но такую отважную женщину, как на единствен-

ного оставшегося на земле человека: с трепетом, любовью, непреодолимым желанием защитить ее от всех возможных невзгод. А она смотрела на него с обожанием, нежностью, и в ее глазах читалось обещание сделать для него, все что потребуется, чтобы он был счастлив и спокоен.

– Пора, – сказал наконец Никита, нехотя отпустил ее руку, скинул за спину рюкзак и шагнул к порогу.

Дверь отворилась, не скрипнув, открывая им путь к тому будущему, которое они заслужили.